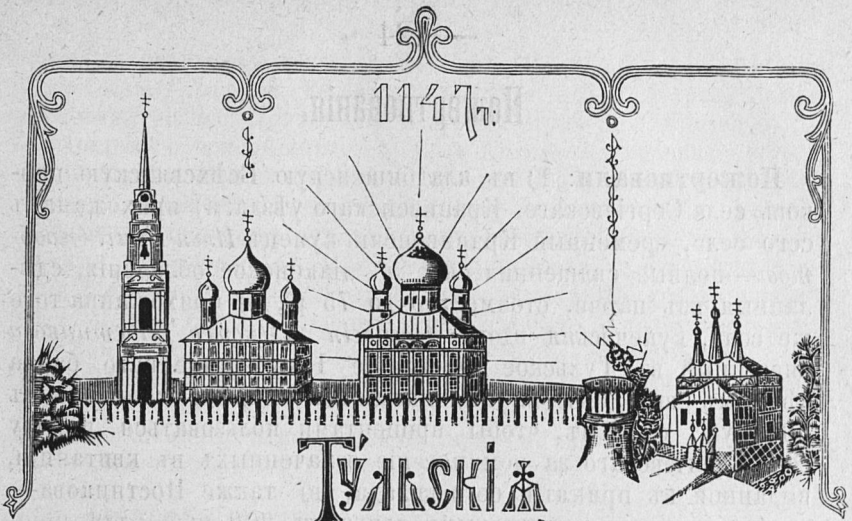

1147.

Тульскіа Єпархіальныа Вѣдомостн

1 Мая

№ 9.

1899 года.

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

Отъ Императорекаго Палестинекаго Общества.

Императорское Православное Палестинское Общество въ заботѣ объ удобствахъ пути православныхъ паломниковъ, отправляющихся на поклоненіе св. мѣстамъ Востока, установило отъ г. Тулы особыя паломническія книжки для проѣзда въ Иерусалимъ и на Аѳонъ, поручивъ продажу таковыхъ съ 15 Апрѣля сего 1899 года члену Тульской Духовной Консисторіи о. Протоіерею *Владимиру Ѡворскому*.

Черезъ Кіевъ и Одессу:

Отъ Тулы до Иерусалима и обратно .
Отъ Тулы до Аѳона и обратно . .

III классъ по желѣзн. дорогѣ.		II классъ на пароходъ.		III классъ безъ продовол.	
Съ продо-вол. на пароходѣ.	Безъ про-вол. на пароходѣ.	Съ продо-вол. на пароходѣ.	Безъ про-вол. на пароходѣ.	Съ продо-вол. на пароходѣ.	Безъ про-вол. на пароходѣ.
Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
174	—	118	—	50	—
81	50	56	—	36	—

Книжки дѣйствительны въ теченіе года, съ правомъ останавливаться по пути слѣдованія въ Кіевѣ, Одессѣ, Константинополѣ и друг. городахъ.

Пожертвованія.

Пожертвовали: 1) въ кладбищенскую Всѣхсвятскую церковь села Сергіевского, Крапивенскаго уѣзда: а) прихожанинъ сего села, временный Крапивенскій купецъ *Илья Григ. Θεодотовъ*—полныя священническое и діаконое облаченія, сдѣланныя изъ парчи, стоимостію до 75 р., б) прихожанка того же села, купеческая вдова *Θеодосія Алексѣев. Постникова* внесенный въ Тульское Отдѣленіе Государственнаго банка вѣчнымъ вкладомъ на имя названной церкви капиталъ въ 500 руб., съ тѣмъ, чтобы процентами пользоваться причту села Сергіевского за поименованіе означенныхъ въ квитанціи, выданной въ принятіи сего вклада, в) также Постникова—въ ту же церковь наличными деньгами 200 руб., для пріобрѣтенія предметовъ церковной утвари, по усмотрѣнію мѣстнаго причта и церковнаго старосты; 2) въ Николаевскую церковь с. Богатищева-Епишина, на предполагаемый ремонтъ храма—священникъ с. Рождествина *Василій Богдановъ* 100 р.

Всѣмъ жертвователямъ объявляется искренняя признательность Его Преосвященства, Архипастыря нашего, съ призваніемъ на нихъ Божія благословенія.

Вакантныя мѣста.

а) Священническія при церквахъ:

1) Села *Алтухова*, Бѣлевскаго уѣзда, съ 23 Октября 1898 г. Земли церковной 35 дес. 240 кв. саж. Прихожанъ м. п. 351. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причту имѣть быть исходатайствовано жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 руб. въ годъ.— 2) Села *Григичина*, Каширскаго уѣзда, съ 8 Ноября 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 254. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 р. въ годъ и $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 3643 руб.— 3) Села *Козюлькина*, Одоевскаго уѣзда, съ 16 Ноября 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 619. Причта положено быть: священнику и псаломщику; для причта имѣютъ быть построены прихожанами помѣщенія.— 4) Села *Аннина*, Веневскаго уѣзда, съ 3 Марта. Земли церковной 32 дес. Прихожанъ м. п. 212. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ полу-

часть жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 р. въ годъ.—5) Села *Знаменскаго-Грязновки*, Епифанскаго уѣзда, съ 5 Марта. Земли церковной 33 дес. Прихожанъ м. п. 688. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—6) Села *Внхова*, Алексинскаго уѣзда, съ 27 Марта. Земли церковной 48 дес. Прихожанъ м. п. 378. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 р. въ годъ.—7) Села *Сергиевскаго на Утѣ*, Тульскаго уѣзда, съ 6 Апрѣля. Земли церковной 36 $\frac{1}{2}$ дес. Прихожанъ м. п. 244. Причтъ получаетъ % въ годъ 11 р. 40 к.; причту имѣеть быть исходатайствовано жалованье отъ казны въ размѣрѣ 400 руб. въ годъ.—8) Села *Токарева*, Каширскаго уѣзда, съ 29 Марта. Земли церковной 69 дес. 150 кв. саж. Прихожанъ м. п. 411. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 р. въ годъ.

б) Діаконскія при церквахъ:

1) Села *Богоявленскаго, на Зарытомъ верху*, Чернскаго уѣзда, съ 8 Ноября 1896 г. Земли церковной 45 дес. Прихожанъ м. п. 796. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1040 р.—2) Села *Успенскаго-Дужень*, Чернскаго уѣзда, съ 23 Юня 1898 г. Земли церковной 34 дес. 1020 кв. саж. Прихожанъ м. п. 822. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1100 р. вмѣстѣ съ церковію.—3) Села *Гладкаго*, Чернскаго уѣзда, съ 18 Августа 1898 г. Земли церковной 89 дес. и 8 кв. саж. Прихожанъ м. п. 769. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.—4) Села *Нижняго Скворчаго*, Новосильскаго уѣзда съ 18 Августа 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 1440. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.—5) Села *Скороднаго*, Чернскаго уѣзда, съ Января 1898 г. Земли церковной 69 дес. 1334 кв. с. Прихожанъ м. п. 1662. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ.—6) Села *Портьчя*, Одоевскаго уѣзда, съ 12 Августа 1898 г. Земли церковной 40 дес. 2000 кв. саж. Прихожанъ м. п. 905. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 3874 р.—7) Села *Богородицкаго-Жадома*, Чернскаго уѣзда, съ 18 Августа 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 709. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1243 р. пополамъ съ церковію.—8) Села *Петрушина*, Епифанскаго уѣзда, съ 9 Сентября 1898 г. Земли церковной 37 дес. 1955 кв. саж. Прихожанъ м. п. 2052. Причта положено быть: двумъ священникамъ, діакону и двумъ

псаломщикамъ.—9) Села *Никольскаго на Птани*, Ефремовскаго уѣзда, съ 25 Октября 1898 года. Земли церковной 35 дес. 1250 саж. Прихожанъ м. п. 1985. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ.—10) При Вознесенской церкви гор. *Каширы*, съ 25 Октября 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 360. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ 332 руб. % въ годъ.—11) Села *Алексѣевского*, Чернскаго уѣзда, съ 16 Ноября 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 1210. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.—12) Села *Волжовичей*, Алексинскаго уѣзда, съ 13 Января. Земли церковной 41 дес. 1944 саж. Прихожанъ м. п. 739. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1439 руб.—13) Села *Хализова-Песковатаго*, Бѣлевскаго уѣзда, съ 11 Марта. Земли церковной 131 дес. Прихожанъ м. п. 806. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.—14) Села *Богородицкаго-Бабурина*, Чернскаго уѣзда, съ 16 Марта. Земли церковной 41 дес. 2340 саж. Прихожанъ м. п. 1554. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ % съ капитала въ 4950 р.—15) Села *Бобринкѣ*, Епифанскаго уѣзда, съ 16 Марта. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 1012. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ % съ капитала въ 1240 р.—16) Села *Скоморошекѣ*, Одоевскаго уѣзда, съ 18 Марта. Земли церковной 61 дес. 2074 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1405. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ.—17) Села *Поповки*, Каширскаго уѣзда, съ 22 Марта. Земли церковной 183 дес. Прихожанъ м. п. 780. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ арендныхъ съ мельницы 140 р.—18) Села *Орловки-Троицкаго*, Епифанскаго уѣзда, съ 24 Марта. Земли церковной 40 дес. 554 кв. с. Прихожанъ м. п. 970. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.—19) При Покровской церкви города *Ефремова*, съ 4 Апрѣля. Земли церковной 34 дес. 600 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1316. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ % вмѣстѣ съ церковію съ капитала въ 5345 р.

в) Псаломщическія при церквахъ:

1) Села *Козюлькина*, Одоевскаго уѣзда, съ 16 Ноября 1898 г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 619. Причта положено быть: священнику и псаломщику; для причта имѣютъ быть построены прихожанами помѣщенія.—2) Села *Шульмина*, Алексин-

скаго уѣзда, съ 20 Декабря 1898 г. Земли церковной 34 дес. Прихожанъ м. п. 689. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—3) Села *Анастасова*, Одоевскаго уѣзда, съ 27 Января. Земли церковной 34 дес. 856 кв. саж. Прихожанъ м. п. 776. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—4) Села *Вышней Залеюши*, Новосильскаго уѣзда, съ 1 Февраля. Земли церковной 42½ дес. Прихожанъ м. п. 2100. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ.—5) Села *Ползикова*, Чернскаго уѣзда, съ 12 Февраля. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 665. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—6) При Кладбищенской церкви г. *Каширы*, съ 10 Марта. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ въ годъ: жалованья отъ казны 392 руб., изъ городскихъ средствъ 200 руб. и процентовъ 221 руб., для причта имѣется помѣщеніе.—7) Села *Орловки-Закурицкаго*, Епифанскаго уѣзда, съ 9 Марта. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 1183. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—8) Села *Пронина*, Бѣлевскаго уѣзда, съ 20 Марта. Земли церковной 149 дес. 655 саж. Прихожанъ м. п. 527. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 506 р.—9) Села *Тургенева*, Чернскаго уѣзда, съ 18 Марта. Земли церковной 37 дес. 900 саж. Прихожанъ м. п. 674. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ % съ капитала въ 800 руб.—10) Села *Лошачей*, Одоевскаго уѣзда, съ 27 Марта. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 305. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ въ годъ % съ капитала въ 100 руб. и жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 руб.—11) Села *Голошанова*, Крапивненскаго уѣзда, съ 27 Марта. Земли церковной 37½ дес. Прихожанъ м. п. 1094. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—12) Села *Стубленокъ*, Богородицкаго уѣзда, съ 27 Марта. Земли церковной 33 дес. 1600 кв. саж. Прихожанъ м. п. 128. Причта положено быть: священнику и псаломщику; причтъ получаетъ въ годъ % съ капитала въ 771 руб. и жалованье отъ казны въ размѣрѣ 392 р.—13) Села *Былколodeзя*, Веневскаго уѣзда, съ 29 Марта. Земли церковной 34 дес. Прихожанъ м. п. 827. Причта положено быть: священнику и псаломщику.—14) Села *Ювлева*, Богородицкаго уѣзда, съ 29 Марта. Земли церковной 43 дес. Прихожанъ м. п. 4078. Причта положено быть: 3 священникамъ, діакону и 3 псаломщикамъ; причтъ получаетъ % съ капитала въ 750 руб.—15) Села *Полянокъ*, Новосильскаго уѣзда, съ 30 Марта. Земли церковной 82 дес. Прихожанъ м. п. 1218. Причта положено быть: 2 священникамъ, діакону и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ жалованье отъ казны въ размѣрѣ 784 р. въ годъ.—16) Села *Юрцова*, Кашир-

скаго уѣзда, съ 31 Марта. Земли церковной 55 дес. и 413 саж. Прихожанъ м. п. 419. Причта положено быть: 2 священникамъ и 2 псаломщикамъ; причтъ получаетъ жалованье въ размѣрѣ 784 р. въ годъ.—17) При Единовѣрческой церкви гор. Тулы, съ 6 Апрѣля. Причта положено быть: священнику и двумъ псаломщикамъ. Причтъ получаетъ жалованье отъ казны въ размѣрѣ 490 руб. въ годъ.—18) Села *Сергиевскаго на Утѣ*, Тульскаго уѣзда, съ 6 Апрѣля. Земли церковной 36½ дес. Прихожанъ м. п. 244. Причтъ получаетъ 0/0 въ годъ 11 р. 40 коп.; причту имѣеть быть исходатайствовано жалованье отъ казны въ размѣрѣ 400 р. въ годъ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи.

Приемъ воспитанниковъ въ Кіевскую Духовную Академію.

Съ 16 Августа сего 1899 года въ Кіевской духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣеть быть приемъ воспитанниковъ.

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившія курсъ духовной семинаріи или классической гимназіи.

2) Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

3) Просьбы о приемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или присылаются по почтѣ на имя ректора Академіи до 6-го Августа. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть при себѣ билетъ на проѣздъ въ г. Кіевъ.

4) Къ прошенію о приемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежит проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также до 6-го Августа высылають всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную къ 14 Августа (но не ранѣе 12-го).

5) Желаящіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

6) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

7) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительно медицинскому освидѣтельствуванію состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по усѣбномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

8) Для повѣрочнаго приѣмнаго испытанія Совѣтомъ Академіи назначены слѣдующіе предметы: догматическое богословіе, священное писаніе новаго завѣта, общая церковная исторія (до раздѣленія церквей), логика и одинъ изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменуемыхъ); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать три сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна богословскаго содержанія, другая — философскаго и третья — литературнаго.

9) Испытаніе всѣхъ явившихся будетъ производимо по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.

10) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе — казеннокоштными студентами съ подпискою прослужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству, согласно 160 и 161 §§ уст. дух. акад., а остальные — своекоштными (§ 112).

11) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзаменъ. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій.

12) Своєкоштные студенты за свое содержаніе въ Академіи вносятъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ Сентябрь и Январь за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи (§§ 150 и 151).

13) Въ зданія Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ постоянное, а не случайное или кратковременное жительство въ Кіевѣ.

О книгѣ „Житія святыхъ, какъ образовательно-воспитательное средство, и ихъ значеніе для русской школы съ древнихъ временъ“. (Цѣна 1 р. 50 к.).

На прошеніи автора этой книги, преподавателя Симбирской дух. семинаріи Александра Яхонтова, дана слѣдующая резолюція Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Питирима, отъ 18 Января 1899 г. за № 541: „Книга полезная несомнѣнно“. Отъ моего имени рекомендовать пріобрѣтеніе ея въ бібліотеки церковно-приходскія епархіи и бібліотеки второклассныхъ и прочихъ церковно-приходскихъ школъ, съ порученіемъ Совѣту Братства Св. Іоанна Предтечи пріобрѣтенія въ складъ и продажи книги. О чемъ сообщить въ Епархіальный Училищный Совѣтъ и въ редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

На письмѣ того же преподавателя Яхонтова, въ коемъ онъ изложилъ, что при выпискѣ отъ него Яхонтова книгъ сразу сотнями онъ можетъ принять высылку ихъ на свой счетъ, полагая за каждую книгу по 1 рублю, вмѣсто 1 р. 50 коп., резолюція Его Преосвященства, отъ 31 Января за № 1157, дана такая: „Предложить сдѣлать выписку книгъ сотнями отъ автора Совѣту Братства, которому это удобно сдѣлать, какъ распоряжающемуся Епархіальнымъ книжнымъ складомъ, пользуясь уступкою, каковую предлагаетъ авторъ книги“. Желающіе пріобрѣсти эту книгу обращаются въ означенный складъ.

СОДЕРЖАНІЕ ОФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Отъ Императорскаго Палестинскаго Общества.— Пожертвованія. — Вакантныя мѣста.— Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи.— О книгѣ: „Житія святыхъ, какъ образовательно-воспитательное средство, и ихъ значеніе для русской школы съ древнихъ временъ“.

Редакторъ Официальной части В. Соколовскій.

ТУЛЬСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Мая

№ 9.

1899 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Пятокнижіе Моисеево *).

Епископа Михаила.

Теперь вопросъ о причинахъ, по которымъ Моисеевы религиозно-обрядовыя учрежденія имѣютъ именно такой, а не другой характеръ, т. е., символично-типическій, какое значеніе онъ имѣлъ для Евреевъ и—какія имъ достигались цѣли?

Въ самой природѣ религиознаго сознанія человѣка лежитъ потребность—обнаружить свое религиозное чувство во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; совокупность этихъ внѣшнихъ дѣйствій составляетъ внѣшнее Богослуженіе—культъ вообще. И это—необходимая принадлежность каждой религіи. Нѣтъ и не можетъ быть ни одной религіи, которая была бы лишь чисто внутреннею; но каждая имѣетъ свой опредѣленный родъ и способъ—внутреннее и мыслимое выразить во внѣ. Даже слово—это непосредственное выраженіе духовнаго—есть нѣчто чувственное, внѣшнее, и, слѣдовательно, религиозное сознаніе, если бы оно было выражаемо лишь въ словахъ, а не дѣйствіяхъ, все-таки не могло бы отрѣшиться отъ внѣшняго, чувственнаго; внутреннее и внѣшнее въ религіи, по самой природѣ человѣка, духовно-чувственнаго существа, нераздѣльны одно отъ другаго. Но если это внѣшнее есть отраженіе и выраженіе духовнаго и внутренняго, если въ этой внѣшности и чувственномъ видѣ выражаются религиозныя воззрѣнія и представленія: то она не есть уже простая внѣшность, но стоитъ

*) Продолженіе. См. № 8.

въ извѣстномъ, опредѣленномъ отношеніи къ внутреннему,— есть образъ, образность. Чувственно—образное не есть, поэтому, что либо чуждое религіи вообще и культа въ частности, чуждое, лишь отвѣтъ къ нимъ привзошедшее; не непосредственно и необходимо основанное и заключающееся въ самомъ существѣ, въ самой природѣ ихъ. Чувственно—образная форма Моисеевыхъ религіозно-обрядовыхъ учрежденій вообще не есть, значить, сама по себѣ какая-либо особенность только Моисеевой—Ветхозавѣтной религіи; ея первое и всеобщее основаніе въ самомъ религіозномъ сознаниіи чувственно-духовнаго человѣка, въ самой природѣ и существѣ всякой религіи и—принадлежность всякаго культа вообще. Но что эта форма имѣетъ извѣстный частный опредѣленный характеръ, что Моисеевы обрядово-богослужебныя учрежденія служатъ возможно-простѣйшимъ средствомъ представленія религіозныхъ возрѣвній и чувствъ, что ихъ форма чисто чувственная, движущаяся исключительно лишь во внѣшнихъ дѣйствіяхъ именно такихъ, а не другихъ, форма символическая, сложная,— это, конечно, не лежитъ въ самой природѣ культа, какъ внѣшняго выраженія религіи вообще,— но въ особенномъ характерѣ религіознаго сознанія, которое должно или принуждено обнаруживаться вовнѣ именно такимъ, а не другимъ образомъ. Этотъ особенный характеръ опредѣляется тою ступенью развитія, на которой стоитъ религіозное сознаніе, и—потому намъ нужно опредѣлить и охарактеризовать эту ступень, изъ которой выродилась эта чувственно—внѣшняя и именно символично-типическая форма Моисеевыхъ религіозно-обрядовыхъ учрежденій. Новыя изслѣдованія религіи древности вообще показали, что всѣ они имѣютъ символическій характеръ, слѣдовательно, какъ и Моисеевы обрядовыя учрежденія, движутся въ чувственно—внѣшнихъ формахъ. Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что ступень духовнаго развитія религіозныхъ возрѣвній, которая облекается въ эту исключительно форму внѣшности, вообще не есть особенность только Моисеевыхъ учрежденій, но общая всей дохристіанской древности,— общечеловѣческая древняго міра. Потребность—представить всю сумму религіозныхъ возрѣвній и чувствъ въ чувственныхъ внѣшнихъ формахъ, и именно символическихъ, сложныхъ, предполагаетъ такой образъ міросозерцанія, при которомъ неразрывно соединяется духовное и тѣлесное, чувственное и сверхчувственное, и—таково было міросозерцаніе всей древности, особенно Востока. По нему, весь видимый міръ—не что иное, какъ явле-

ніе во внѣ невидимаго духовнаго; все твореніе есть порожденіе и откровеніе Божества; ничего внѣшняго и видимаго нѣтъ какъ простой массы; но все — только явленіе невидимаго, духовнаго; потому все это внѣшнее, видимое и есть откровеніе Бога, что оно все само въ себѣ живое. Вслѣдствіе такого міросозерцанія, когда оно приняло религіозный характеръ, міръ весь представляется великимъ святилищемъ, и частные предметы въ немъ суть знаки, буквы и слова великой книги Божественнаго Откровенія, которыми говоритъ Богъ, въ которыхъ Онъ преподаетъ ученіе о Себѣ самомъ. Видимое все, потому, не есть внѣшній простой знакъ, но есть какъ бы тѣло и необходимое выраженіе невидимаго и стоитъ съ этимъ послѣднимъ въ тѣсномъ жизненномъ общеніи, такъ что они должны быть разсматриваемы какъ одно цѣлое, нераздѣльное. Если же теперь для человѣка все чувственное и видимое вообще было непосредственнымъ выраженіемъ или отображеніемъ невидимаго, языкомъ откровенія ему невидимаго Бога: то естественно, что когда человѣку нужно было выразить свои чувства предъ Богомъ, сумму своихъ религіозныхъ воззрѣній и мыслей, онъ употреблялъ тотъ же языкъ, въ которомъ видѣлъ слова откровенія себѣ Божества, пользовался освященнымъ Самимъ Богомъ средствомъ выраженія своего религіознаго настроенія, именно чувственнымъ, внѣшнимъ, видимымъ. Но такъ какъ чувственное воззрѣніе есть первое основаніе всякаго духовнаго развитія, а между тѣмъ культъ вообще имѣетъ не ту только цѣль, чтобы религіозныя воззрѣнія, какія есть, выразить во внѣ, но и ту, чтобы возбудить, усилить и освѣжить ихъ, вызвать и такія, которыя еще не возбуждены: то на чувственномъ воззрѣніи основанный культъ преимущественно долженъ способствовать къ тому, чтобы вести человѣка отвнѣ во внутрь, отъ тѣлеснаго къ духовному, отъ чувственнаго къ сверхчувственному. Это воззрѣніе на міръ, изъ котораго вышли всѣ сложныя символическія формы языческихъ религій, въ существѣ своемъ отнюдь не есть воззрѣніе ложное, лишенное истины; оно стало ложнымъ уже въ извращеніи, когда образъ нетлѣннаго Бога мало по малу затемнялся въ омрачавшихся умахъ, когда причину перенесли на дѣйствіе и вмѣсто того, чтобы видѣть одного Бога во всемъ, стали видѣть многихъ боговъ, обоготворяя частные предметы и явленія природы, поставляя дѣйствія причинами, стали видѣть много причинъ вмѣсто одной, и когда отношенія Бога вообще къ міру видимому извратили, и самое понятіе о Богѣ

чистое утратили. Но эта ступень духовнаго развитія, не высшая, совершеннѣйшая, напротивъ, низшая, несовершенная ступень развитія религіознаго возрѣнія,—ступень непосредственности. Высшая ступень та, на которой духъ, не сковываемая средою мертваго, лишеннаго духа, созерцаетъ и познаетъ только духъ, духовное, сверхчувственное. На той ступени религіознаго возрѣнія, когда духовное и таинственное созерцается исключительно лишь въ неразрывной связи съ внѣшнимъ, чувственнымъ, духъ еще связанъ, скованъ этою внѣшностію; еще не дошелъ до совершеннаго самосознанія и возрѣнія болѣе духовнаго; это—ступень дѣтства, и не есть совершенное возрѣніе: иначе слова Христовы: *рядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною: Духъ есть Богъ и иже кланяется ему, духомъ и истиною кланяются достоинствъ*,—не имѣли бы значенія, какъ опредѣленіе высшаго достоинства христіанства, чѣмъ какое имѣло іудейство въ дѣлѣ Богопочтенія, и Христіанство, которымъ окончилось это символически-типическое богопочтеніе, не было бы высшею ступеню духовнаго развитія человѣчества и—совершеннѣйшею религіею. Такимъ образомъ, первое основаніе чисто внѣшняго, символическаго и притомъ сложнаго характера Моисеевыхъ религіозно-обрядовыхъ учрежденій лежитъ въ той ступени религіознаго возрѣнія на міръ, на которой стояло все человѣчество въ древности,—ступени непосредственности религіознаго міросозерцанія. То, что въ отношеніи къ этому общему характеру Моисеевой символики мы поставляли ее на ряду съ культами всей древности, нисколько не составляетъ нареканія на достоинство Моисеевыхъ учрежденій; народъ Еврейскій не могъ отрѣшенъ быть отъ этого общаго возрѣнія древности; его избраніе отнюдь не есть чудесное перенесеніе его изъ своего времени въ позднѣйшее, магическое изъятіе отъ всякаго единенія съ природою и міромъ того времени, но—воспитаніе народа, постепенное развитіе, причемъ народъ все-таки долженъ быть народомъ своего времени и подчиняться всеобщимъ законамъ человѣческаго развитія. Потому естественно, что онъ долженъ былъ имѣть общее съ окружающимъ міромъ своего времени въ отношеніи къ возрѣнію на міръ, только очищенное отъ всякой лжи. Предписать этому народу такія Богослужебно-обрядовыя учрежденія, въ которыхъ духовное и сверхчувственное имѣло бы перевѣсъ надъ чувственнымъ, символическимъ, и дать имъ болѣе духовную форму было бы не

сообразно съ его потребностями и временемъ; Моисеевы учрежденія выше всѣхъ другихъ не потому, чтобы они ставили народъ на другую высшую ступень духовнаго развитія, а потому, что истина сохранена въ нихъ во всей цѣлости и неповрежденности своей, тогда какъ у другихъ она искажилась; но общая форма внѣшняго выраженія этой истины не могла не быть сходна съ тѣми, иначе народъ на той ступени своего развитія не понялъ бы ея.

Но если чувственно—символическая форма Моисеевыхъ обрядовыхъ богослужебныхъ учрежденій имѣетъ ближайшее свое основаніе въ религіозномъ возрѣвнн, общемъ всей древности и связанномъ съ ходомъ развитія человѣческаго рода вообще: то особенное назначеніе и особенное положеніе Израильскаго народа между другими, дало символизму Моисея особенное значеніе,—по Божественному опредѣленію и плану воспитанія человѣческаго рода, этотъ народъ долженствовалъ быть носителемъ чистыхъ божественныхъ откровеній, посредникомъ истинной религіи для цѣлаго человѣческаго рода; изъ него долженъ былъ выйти и распространиться свѣтъ для всѣхъ народовъ. Но такъ какъ воспитаніе, какъ мы сейчасъ сказали, не есть внезапное, магическое перенесеніе изъ одной ступени развитія въ другую, высшую, но постепенное развитіе: то и этотъ свѣтъ и эта жизнь, которая отъ Израильтянъ должна была перейти ко всѣмъ, не вдругъ во всей своей полнотѣ и совершенствѣ, въ полнѣйшемъ раскрытіи, но какъ сѣмя было положено во Израилѣ, которое и развивалось постепенно, мало по малу, и—только по исполненіи временъ явилось во всей своей силѣ, величіи и полнотѣ,— по исполненіи временъ, когда человѣчество, переживъ эту низшую ступень, готово было уже встать на другую, высшую, способно было принять христіанство.—Но тогда, и притомъ у такого народа, какъ Евреи, было не то. Народъ Еврейскій былъ народъ жестоковѣйный, особенно при выходѣ изъ Египта и въ послѣдующій за тѣмъ періодъ и въ этомъ-то народѣ долженствовала совершиться сила Божія, долженъ былъ сохраниться и распространиться отъ него свѣтъ божественной истины во всей его силѣ и величіи. Понятно, что этотъ свѣтъ долженъ былъ быть по возможности закрытъ отъ глазъ этого народа, потому что онъ еще не способенъ былъ прямо взирать на него и ходить въ немъ, нужно было наложить покрывало чувственное на этотъ духовный свѣтъ истины, какъ Моисей возложилъ покрывало на лице свое, когда на немъ былъ отблескъ божест-

веннаго свѣта, и—только подъ этимъ покрываломъ могъ быть довѣренъ свѣтъ божественной истины съ пользою для народа и—съ безопасностію сохранить его въ чистотѣ. Эта высокая цѣль никакъ не могла быть достигнута, если бы чувственная форма была только чувственная, имѣла сама въ себѣ цѣль, была простою пышностію, но могла быть достигнута только такою чувственною формою, которая, съ одной стороны, имѣла бы образный символическій характеръ вообще, но съ другой, носила бы въ себѣ типъ,—пророческій образъ высшей ступени развитія религіознаго сознанія, на которую народъ, а съ нимъ и человѣчество должны были встать, по плану божественнаго воспитанія, т. е., эта форма долженствовала быть символично—типическая. Только этою формою могло совершиться постепенное воспитаніе народа. Чувственное было первою точкою отправленія для сообщенія чистыхъ религіозныхъ истинъ, и это чувственное, будучи въ одно и то же время символомъ и отчасти типомъ—прообразомъ, могло привести къ высшей ступени познанія истины и выраженія ея во внѣ болѣе духовнымъ образомъ, и—это совершилось, когда въ Новомъ Завѣтѣ снято было это покрывало и—свѣтъ истины явился во всей своей чистотѣ и полнотѣ (2 Кор. 8, 18). Это—основаніе, по которому Моисеевы религіозно-обрядовыя учрежденія имѣли форму символично—типическую.

Основаніе, которое мы нашли для чувственно—символической формы древнихъ культовъ вообще и Моисеева въ частности во всеобщемъ религіозномъ возрѣвнн на міръ въ древности, наводитъ насъ и на правильное рѣшеніе вопроса о пониманіи символическихъ образовъ въ древности и цѣли символично—типическаго характера Моисеевыхъ учрежденій. Противъ символической формы древнихъ религій вообще и Ветхозавѣтной Моисеевой въ частности не рѣдко указываютъ на то, что символическое значеніе ихъ находятъ только позднѣйшіе писатели, а первоначально этого не знали, на нихъ не смотрѣли, какъ на символы и—отысканіемъ ихъ мнимаго смысла въ древности не занимались; что сами выдававшіе религіозно-обрядовыя учрежденія не объясняютъ ни одного дѣйствія или предмета, какъ символа, а это значить, что они и не смотрѣли на нихъ, какъ на символы. Но это совершенно превратное желаніе, чтобы учредители образныхъ формъ богочтенія сами же и объясняли значеніе символовъ для народа и будущихъ родовъ, желаніе, которое предполагаетъ или незнаніе или забвеніе или же намѣренное незнаніе сущности

религіознаго воззрѣнія древности. Что въ древнихъ обрядовыхъ законахъ Ману или въ Зендавестѣ множество символовъ—этого никто не будетъ отрицать; но эти символы такъ и оставлены безъ всякаго поясненія или опредѣленія ихъ значенія. Древніе не имѣли и нужды въ таковыхъ объясненіяхъ; у нихъ было все воззрѣніе символическое; все оно состояло въ томъ, что въ видимомъ и чувственномъ они видѣли духовное и сверхчувственное, что они одного отъ другаго не отличали. Въ наше время людямъ, у которыхъ развита рефлексія, которые привыкли отдѣлять ту и другую область, такое воззрѣніе, конечно, чуждо; но не справедливо эту точку зрѣнія переносить въ глубокую древность и съ нея смотрѣть на древніе культы. Что вразумительныя изъясненія символовъ мы имѣемъ отъ позднѣйшихъ писателей, это нисколько не удивительно, потому что это совершенно сообразно самому ходу дѣла. Эти объясненія очень естественно начались съ того времени, когда эта непосредственность воззрѣнія оканчивалась, когда пробудился и началъ входить въ силу духъ рефлексіи. Большая часть такихъ толкованій языческихъ символовъ появилась съ того времени, какъ язычество пришло въ соприкосновеніе съ Христіанствомъ, когда нужно было, хотя напрасно, защищать ихъ значеніе. Далѣе—всякая символика есть извѣстнаго рода поэзія. Поэтъ (ποιητής) творитъ, но его твореніе не есть плодъ рефлексіи, тщательнаго и копотливаго изученія и разсужденія, а—плодъ непосредственнаго воззрѣнія, и—не его дѣло объяснять свое твореніе; тѣмъ болѣе не было этого въ древности. Точно также мало можно ожидать, чтобы древніе учредители символическаго богослуженія, въ которомъ они предлагали народу религіозныя истины, объясняли ихъ и говорили: этимъ означается то-то, а этимъ то-то; они не были комментаторами и схолиастами своихъ учрежденій. Все это вообще можно приложить и къ символикѣ Моисея,—въ отношеніи къ пониманію Евреями символовъ и объясненію ихъ самимъ законодателемъ; только къ этому присоединяется еще съ одной стороны великое назначеніе Израильскаго народа, съ другой—его нравственное состояніе. Божественное воспитаніе этого народа, по причинѣ его жестокостнойности, необходимо должно было имѣть характеръ строгаго надзора, который бы смягчалъ его грубость, полагалъ границы его чувственности, даже содержалъ въ постоянномъ страхѣ предъ Иеговою; отсюда, за неспособностію его принимать и понимать чисто духовныя истины, они должны

были быть заключены въ символахъ, должны быть закрыты отъ глазъ народа чувственнымъ покрываломъ. Но то же самое воспитаніе не должно было погружать народъ еще болѣе въ чувственное, держать его только въ этомъ чувственномъ; но оно должно быть такого рода, чтобы готовить народъ къ принятію высшаго, духовнаго. Этой цѣли совершенно соотвѣтствовалъ Моисеевъ законъ. Онъ содержитъ множество частныхъ предписаній, въ немъ все до подробностей точно опредѣлено, соразмѣрено; всѣ отношенія въ жизни приняты во вниманіе, и Израильтянинъ чувствовалъ, что законъ во всемъ его руководить, во всемъ ограничиваетъ; законъ былъ для него пѣстунъ, и пѣстунъ во Христа, потому что изъ рабства онъ указывалъ въ символахъ и типахъ свободу, и приводить долженъ былъ къ свободѣ Христіанской. Если бы масса народа и не понимала его символовъ и типовъ, онъ все-таки былъ бы пѣстуномъ во Христа, руководителемъ всякаго Израильтянина, каковъй характеръ онъ отчасти потерялъ бы, если бы законодатель самъ объяснялъ значеніе всѣхъ его символовъ, — потерялъ бы по той простой причинѣ, что объяснить символъ значитъ высказать прямо истину, объяснять духовное, сверхчувственное, къ чему народъ именно былъ еще не приготовленъ, и вслѣдствіе чего все заключено въ символахъ и образахъ. Для такого народа на этой степени духовнаго развитія символъ именно имѣетъ то преимущество, что онъ, представляя въ чувственномъ образѣ духовное, путемъ самодѣятельнаго упражненія въ пониманіи, чрезъ это чувственное, духовнаго, побуждаетъ къ постепенному дознанію и уразумѣнію истины для того, кто почувствовалъ бы потребность узнать ее безъ символа, отвлеченно. И кто станетъ отрицать, что на ряду съ этой массой народа, для котораго рано было еще разоблачать истину отъ чувственнаго покровя, было много людей, которые чувствуя потребность знать истины, покрытыя символами, путемъ труда, упражненія въ законѣ день и ночь, разоблачали истину отъ этого покровя и разумѣли ее или проразумѣвали? Образность символическая Моисеевыхъ Богослужебныхъ учрежденій, значить, удовлетворяла потребностямъ и простаго грубаго народа, неспособнаго принимать и понимать божественную истину, въ ея чувственномъ видѣ, и — лучшимъ и просвѣщеннѣйшимъ изъ народа, которые сквозь символъ прозрѣвали чистую истину и, такимъ образомъ, служила полнымъ и совершеннѣйшимъ средствомъ къ приготовленію всего народа къ принятію Но-

ваго Учителя и новаго ученія; законъ былъ совершеннѣйшимъ пѣстуномъ во Христа.

Чтобы еще яснѣе опредѣлить это значеніе и сущность символической формы Моисеевыхъ учрежденій обрядово-богослужебныхъ, мы должны еще бросить хотя бѣглый взглядъ на отношеніе ихъ къ таковымъ же учрежденіямъ языческихъ религій, тѣмъ болѣе, что, со времени близкаго знакомства съ культами языческихъ народовъ, многіе, увидѣвъ нѣкоторое ихъ сходство съ Моисеевыми, поставляли ихъ въ различныя ложныя отношенія. При опредѣленіи отношеній между религіозно-обрядовыми учрежденіями Моисея и таковыми же языческихъ народовъ, нужно обратить вниманіе на форму и содержаніе ихъ. Что касается до формы общей, то мы уже замѣтили, что между ними вообще есть сходство, именно—въ образности, символическомъ характерѣ, которое объясняется общей ступенью развитія или религіознаго возрѣнія, на которой стояла вся древность, и съ которой нельзя было изъять однихъ только Евреевъ. Прибавимъ къ этому, что форма, какъ внѣшній знакъ, сама по себѣ ничего не значитъ, а получаетъ значеніе, смотря по тому, что въ ней заключается. Вся символика есть языкъ въ чувственныхъ знакахъ. Но какъ въ обыкновенномъ языкѣ слово только внѣшняя форма, оболочка мысли, такъ и на языкѣ знаковъ—Символикѣ не знакъ самъ по себѣ, какъ внѣшній знакъ, но мысль, прикрываемая имъ или сокрытая въ немъ, есть главное. Потому, какъ нельзя противъ божественнаго достоинства библейскихъ откровеній выставить то, что эти откровенія выражаются тѣми же словами и оборотами рѣчи, которыя употребляются обыкновенно всѣми и которыя существуютъ во всѣхъ языкахъ, точно также нельзя выставять противъ достоинства Моисеевыхъ учрежденій того, что въ немъ, въ общемъ языкѣ знаковъ—въ символахъ есть сходное съ таковыми же учрежденіями языческими, если символическая форма въ нихъ сходна въ нѣкоторыхъ случаяхъ и даже въ общихъ чертахъ. Языкъ символовъ, какъ и обыкновенный языкъ словъ, имѣетъ свои общіе законы и начала, которые заключены въ самой природѣ, въ отношеніяхъ чувственного къ сверхчувственному вообще, и отъ которыхъ никто не можетъ совершенно отрѣшиться. Такъ, напримѣръ, черное никогда не можетъ быть символомъ чистоты и певинности, лисица—символомъ мужества, левъ—символомъ трусости и пр. Потому очень естественно, что на языкѣ символическомъ всѣхъ, не только древнихъ, но и новыхъ на-

родовъ мы встрѣчаемъ много однихъ и тѣхъ же символовъ и это вовсе не значить, что эти символы заимствованы одними у другихъ, или что они имѣютъ все общее, что у нихъ одинаково ученіе, одинакова религія и культъ. Поэтому, если и въ Моисеевыхъ учрежденіяхъ встрѣчаются символы, сходные или одинаковые съ языческими; то изъ этого рѣшительно ничего нельзя заключить не въ пользу Моисеевыхъ учреждений или въ ущербъ ихъ достоинства. Скажемъ болѣе, почему бы Моисею и не внести въ свою символику изъ языческой то, въ чемъ не было никакого вреда для Евреевъ, и что вѣрно и точно изображало собою извѣстную общую истину? Естественное, видимое само въ себѣ не заключаетъ ничего языческаго, и видимые предметы, которыми пользовались, какъ извѣстными символами, язычники, отнюдь не дѣлались нечистыми, языческими потому только, что ихъ употребляли язычники. Главное дѣло—въ томъ, что этими знаками означается, и при томъ не въ частности, а преимущественно въ ихъ сочетаніи между собою и отношеніи къ цѣлой системѣ знаковъ. Потому, если бы даже дѣйствительно было доказано, что Моисей нѣчто изъ символическаго языка заимствовалъ у языческихъ религій; то это нисколько не полагало нареканія на достоинство его учреждений; въ цѣлой ихъ системѣ они служили высокой цѣли Израильскихъ обрядовъ богослужебныхъ и были совершенно чисты и соответствовали чистотѣ всей Ветхозавѣтной религіи и всего культа.

Совершенно инаково отношеніе Моисеевыхъ учреждений религиозно-обрядовыхъ къ таковымъ же у язычниковъ, по ихъ сущности—идеѣ. Въ сопоставленіе и сравненіе религиозныхъ идей въ подробности мы здѣсь не можемъ входить; обозначимъ ихъ отношеніе лишь въ главныхъ, общихъ чертахъ. Язычество вообще есть не что иное, кикъ религія природы, т. е., обоготвореніе природы, или въ полномъ ея объемѣ, или въ частныхъ силахъ и явленіяхъ. Не говоря уже о Восточныхъ народахъ, даже о Грекахъ Крейцеръ замѣчаетъ: „все, что было въ религиозной мысли Греческихъ народовъ подъ столь многообразными формами, было обоготвореніе чувственной природы; вся религія ихъ, и эсотерическая и экзотерическая, была чисто физическая“.. Это воззрѣніе, которое олицетворяло природу, которое во всемъ видимомъ, чувственномъ видѣло невидимое, сверхчувственно, въ сущности основывалось на Пантеизмѣ; Пантеизмъ былъ исходной точкой и центромъ всего язычества. Идея единства Божественнаго Существа,

вслѣдствіе сего, хотя и не исчезла совершенно изъ многообразныхъ языческихъ религій, особенно древнѣйшихъ, но это существо—не личное существо, не самосознательное и самоопредѣляющееся, но великое Es, tad, какъ называли его Индійцы, Среднее отвлеченное, произведеніе чисто отвлеченнаго мышленія, которое вмѣстѣ все и ничто. Поэтому нигдѣ оно не является говорящимъ или дѣйствующимъ, вообще самостоятельнымъ, какъ лицо (Боленъ). Какъ же скоро Божество является какъ лицо, оно перестаетъ быть Единнымъ и распадается на безконечное множество боговъ. Но всѣ эти боги—не что иное, какъ чистое олицетвореніе различныхъ силъ природы. Изъ такого, физическаго, такъ сказать, характера языческихъ религій должна была развиться и иоика, носящая на себѣ форму и краски этой физической религіи. Выше всякой нравственности стоитъ у язычника физическая необходимость, Судьба, которой подлежатъ равно и боги, и люди; высшая нравственная задача для язычника, если онъ придетъ къ сознанію таковой задачи, совершенно подчиниться этой судьбѣ; что будетъ—то будетъ и должно быть. Въ отношеніи къ общему міросозерцанію, общее здѣсь съ Еврейскими воззрѣніями то, что Богъ всюду, что природа есть Откровеніе Божества, на чемъ держится символъ вообще. Но въ сущности, совершенно не таковы религіозныя представленія и воззрѣнія, заключающіяся въ книгахъ Моисея. Здѣсь основное начало—начало единства и совершеннѣйшей духовности Бога. Божество отнюдь не есть нѣчто отвлеченное, Es, но Я, Иегова, личный Богъ. Весь міръ со всѣмъ, что въ немъ есть, есть Его дѣло, проистекающее изъ Его свободной воли и опредѣленія; онъ есть Его твореніе. Самъ по себѣ этотъ міръ—ничто; Онъ одинъ есть Сущее—Иегова; міръ есть нѣчто потолику, поколику, какъ Его дѣло, объ Немъ свидѣтельствуетъ; слѣдовательно, есть откровеніе Его или свидѣтельство о Немъ. Богъ въ немъ, но—не одно съ нимъ, какъ это по воззрѣнію языческихъ религій; Онъ проникаетъ и оживляетъ своимъ всемогущимъ дыханіемъ все, но, по существу своему, Онъ стоитъ несравненно выше всего міра и всего, что въ мірѣ; міръ Его одежда, въ которую Онъ облачается, но которую Онъ можетъ отвергнуть, когда она обветшаетъ; она не есть Его тѣло, въ которомъ бы Онъ жилъ. Этотъ единый Богъ, который открывается во всемъ твореніи, чтобы исполнить свое предопредѣленіе о спасеніи и благословеніи всѣхъ народовъ земли, открывается особеннымъ образомъ одному народу. Средство

этого откровения есть слово, — Онъ говорить съ Израилемъ; но это слово есть законъ, выраженіе и свидѣтельство Его совершеннѣйшей, т. е., святой воли. Сущность этого особеннаго откровения божественнаго народу есть поэтому святость. Цѣль завѣта, т. е., особеннаго отношенія Іеговы къ народу есть освященіе Израила; Онъ прямо говоритъ: вы должны быть святы, потому что святъ Я, Іегова, Господь вашъ. — Вотъ основное начало иеики Моисеевой, ея душа, ея дыханіе жизни; по этому началу вообще опредѣляются всѣ отношенія Бога къ человѣку и человѣка къ Богу. Такимъ образомъ, въ Моисеевой религіи — чистѣйшая нравственность, потому что въ ней человѣкъ есть самостоятельное нравственное существо. Все, что Богъ дѣлаетъ для Израила и во Израилѣ, какъ Онъ открывается ему, все это предназначено для того, наконецъ, чтобы во Израилѣ святилось имя Іеговы, а чрезъ то самое и самъ Израиль освящался. — Такова основная идея и цѣль иеики Моисеевой, безъ уразумѣнія которой нельзя уразумѣть духа и силы всѣхъ Моисеевыхъ учрежденій. Не надобно, однако, при этомъ опускать изъ виду отношеніе Вѣтхаго Завѣта къ Новому. Соотвѣтственно божественному плану воспитанія и предуготовленія народа къ высшей религіи, Вѣтхозавѣтная экономія въ отношеніи къ Новозавѣтной вообще должна имѣть характеръ внѣшности, чувственности; въ этомъ общемъ характерѣ и все частное болѣе или менѣе имѣетъ свое мѣсто. Поэтому понятіе святости въ Вѣтхомъ Завѣтѣ еще не стоитъ въ той чистотѣ, внутренности и духовности, какъ въ Новомъ Завѣтѣ. Тогда какъ здѣсь всякая внѣшность отъ этого понятія отринута, тамъ — еще нѣкоторымъ образомъ внѣшняя святость, которая впрочемъ, какъ и все внѣшнее и чувственное, указываетъ на внутреннюю, чисто духовную святость, которой внѣшнее (напр., очищенія, омовленія и пр.) и есть символъ. — Если теперь культъ вообще есть внѣшнее выраженіе религіозныхъ воззрѣній и истинъ; то само собою разумѣется, что служащія къ этому выраженію чувственныя, внѣшнія формы, — символы въ Моисеевыхъ учрежденіяхъ точно также не могутъ означать религіозныхъ воззрѣній и истинъ другихъ современныхъ религій, какъ символы этихъ послѣднихъ не могутъ выражать истинъ Моисеевыхъ учрежденій. Если теперь въ этихъ символахъ и есть внѣшнее сходство: то они никакъ не могутъ имѣть одинаковаго значенія. Язычество въ своихъ послѣднихъ основаніяхъ есть религія природы; естественно, что и его символы указы-

вають лишь на фізическія отношенія и суть олицетворенія фізическихъ силъ природы. Моисеева Ветхозавѣтная Религія есть Религія духа и нравственности, и символы ея указываютъ на духовное, нравственное. Изреченіе: „вы должны быть святы потому что святъ Я, Іегова, Господь вашъ“, есть начало Моисеевой Религіи и ключъ къ уразумѣнію всей символики его обрядовыхъ богослужебныхъ учреждений. Этотъ различный характеръ символовъ поразительно проявляется не только въ цѣломъ, но и во всѣхъ подробностяхъ Моисеевыхъ учреждений. Таково отношеніе общее Моисеевыхъ учреждений къ учреждениямъ языческимъ.

Изъ исторіи тайнаго сектантства въ Тульской губерніи.

Скопчество въ деревнѣ Нагаевѣ Чернскаго уѣзда.

А. И. Бриллиантова.

Исторія такъ называемаго тайнаго сектантства, хлыстовщины и скопчества, въ той или другой мѣстности неизбѣжно должна носить характеръ неполноты и отрывочности, при недостаткѣ необходимыхъ для нея данныхъ, обусловливаемомъ скрытностію тайныхъ сектантовъ. Матеріалъ для этой исторіи доставляютъ, главнымъ образомъ, возникающіе по временамъ судебные процессы о сектантахъ. Но разслѣдованія судебной власти, хотя бы они производимы были со всею тщательностію, устанавливая съ документальною точностію извѣстные факты, не всегда бывають въ состояніи раскрыть съ желательною ясностію дѣятельность пропагандистовъ и руководителей сектантства, особенно относящуюся къ времени болѣе или менѣе отдаленному отъ момента возникновенія дѣла. О томъ, что является наиболѣе важнымъ и интереснымъ для науки, о внутренней жизни секты и дѣйствительныхъ убѣжденіяхъ сектантовъ, получаютъ при этомъ обыкновенно лишь весьма отрывочныя и недостаточныя извѣстія, иногда только косвенные намеки и указанія, которые сами требуютъ истолкованія съ точки зрѣнія имѣющихся уже въ наукѣ свѣдѣній, чтобы быть понятными.

Скопчество, изувѣрное ученіе и практика котораго подвергаютъ его послѣдователей опасности судебного преслѣдованія въ большей степени, чѣмъ въ какой обычно подвергаются ей

за свои дѣянія послѣдователи хлыстовщины, отличается, въ виду этого, въ общемъ, еще большею скрытностію и осторожностію, нежели послѣдняя. Дѣйствительные пропагандисты и „мастера“ оскопленія ведутъ дѣло столь искусно, что не рѣдко совѣмъ ускользаютъ изъ рукъ правосудія, предъ которымъ отвѣчаютъ уже лишь жертвы ихъ фанатизма. Получить сколько-нибудь подробныя и точныя свѣдѣнія о вѣрованіяхъ и обрядахъ скопцовъ извѣстной мѣстности обыкновенно не представляется возможнымъ, и при возникающихъ нерѣдкѣ и нынѣ дѣлахъ о нихъ остается большею частію невыясненнымъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ какомъ именно видѣ содержать они первоначальную фантастическую догматику скопчества (предполагая, что она извѣстна главнымъ представителямъ секты, посвященнымъ въ ея тайны), принимаютъ ли прежнія нелѣпыя легенды о Селивановѣ, „царѣ—искупителѣ“, отождествляя его съ Петромъ III и ожидая скорого пришествія его во славу, или какъ либо видоизмѣняютъ ихъ и присоединяютъ къ нимъ новыя. Относительно главнѣйшей особенности скопчества, оскопленія, несомнѣннымъ фактомъ оказывается освобожденіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ лицъ, играющихъ даже весьма важную роль въ сектѣ, отъ операціи, обязательной вообще для послѣдователей секты. Но неизвѣстно, на какихъ частнѣйшихъ условіяхъ это допускается, когда вообще не отвергается необходимость оскопленія для всѣхъ членовъ секты.

Очевидно, если трудно составить ясное и полное представленіе о внѣшнихъ отношеніяхъ секты и внутреннемъ ея состояніи даже за то время, когда производятся о ней разслѣдованія, хотя бы при непосредственномъ участіи въ этихъ разслѣдованіяхъ, тѣмъ менѣе возможнымъ слѣдуетъ признать цѣльное изложеніе ея исторіи съ внѣшней и внутренней стороны за прежнее время на основаніи архивныхъ данныхъ, при весьма неодинаковомъ достоинствѣ этихъ данныхъ въ разныхъ случаяхъ. Однако, какой бы видъ ни имѣла въ концѣ концовъ эта исторія и сколь бы ни былъ недостаточенъ для нея извлекаемый изъ судебныхъ дѣлъ матеріалъ, обращаться къ этимъ дѣламъ, какъ источнику свѣдѣній о тайномъ сектанствѣ, необходимо уже потому, что они являются въ большинствѣ случаевъ единственнымъ источникомъ. Обнародованіе и разработка заключающихся въ нихъ данныхъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это, повидимому, встрѣчается въ дѣйствительности, имѣя ближайшимъ образомъ мѣстное зна-

ченіе и интересъ, могли бы, нужно думать, содѣйствовать и вообще успѣхамъ сектовѣдѣнія, въ которомъ отдѣлъ о тайныхъ сектахъ представляетъ много неяснаго.

Въ Тульской губерніи оба вида тайнаго сектантства, и хлыстовщина и выродившееся изъ нея скопчество, съ давнихъ временъ имѣли своихъ представителей. Скопчество, въ частности, явилось здѣсь на самыхъ же первыхъ порахъ послѣ первоначальнаго своего обнаруженія въ сосѣдней Орловской губерніи, въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Самъ основатель скопчества, лжехристосъ Селивановъ, своимъ ближайшимъ сподвижникомъ имѣвшій крестьянина Тульской губерніи, Алексинскаго или Тульскаго уѣзда, Александра Шилова (скопческій Іоаннъ Предтеча), дѣйствовалъ здѣсь по удаленіи изъ Орловской губерніи (1772), имѣя пристанище на фабрикѣ купца Лугинина въ Алексинскомъ уѣздѣ, близъ села Алешни (въ 23 верстахъ отъ Тулы), у писаря фабрики Емельяна Ретиваго, пока не былъ пойманъ и сосланъ въ Сибирь въ 1775 году. Бывалъ онъ не рѣдко во время своихъ скитаній и въ Тулѣ и даже по временамъ жилъ въ ней, проповѣдуя свое ученіе, или скрываясь отъ преслѣдованій, какъ самъ онъ сообщаетъ въ своихъ „Страдахъ“: приходилъ въ Тулу изъ какого то села. „на праздники, на бесѣду“¹⁾, звонилъ однажды съ колокольни „монастыря Воздвиженья“ и „къ себѣ дѣтушекъ манилъ“²⁾; изъ Тулы отправлялся „въ нищенскомъ образѣ, на ярмонку стихи пѣть“ въ село „Тихвинъ“, гдѣ былъ схваченъ солдатами,

¹⁾ См. Матеріалы для исторіи хлыстовской и скопческой ересей, П. Мельникова, въ Чтеніяхъ въ импер. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ: „Страданій свѣта, истиннаго Государя Батюшки странствованій и трудовъ дражайшаго нашего Искупителя и Вселенскаго Учителя Оглашеніе“ (первая редакція „Страдь“). 1872, III, 144: „А еще тоже братъ ея (хлыстовской пророчицы) хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздники изъ села въ Тулу, и каждый праздникъ, когда я прійду на бесѣду; но оной братъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ, и шесть разъ стрѣлялъ въ меня, но ружье не выстрѣлило не разу“.

²⁾ Чтенія, 1872, III, 143: „Во время своего странствованія былъ я въ Тулѣ, и есть тамъ монастырь „Воздвиженіе“, и я входилъ тамъ на колокольню, одной рукой во всѣ колокола звонилъ, а другой ручкой въ громогласную трубу трубилъ, и со всѣхъ четьрехъ сторонушекъ къ себѣ дѣтушекъ манилъ: „Вы подите, мои дѣтушки, ко мнѣ на корабль, а я вамъ, Искупитель, ей, ей, буду радъ! Вы подите, мои возлюбленные, на мой трубной гласъ, и выходите изъ темнаго лѣсу, отъ лютыхъ звѣрей, отъ ядовитыхъ змій; вы бѣгите, мои возлюбленные, отъ женъ, отъ дѣтей, а возьмите съ собой только души одиѣ, плачущіяся и рыдающія въ тѣлесахъ!“ Ср. 1872, I, 138. Въ Тулѣ есть собственно церковь Воздвиженія, но не монастырь.

но бѣжалъ отъ нихъ ³⁾; въ Туль же, по его словамъ, былъ преданъ „своими людьми“ (хлыстами) „Иудеямъ“ (православнымъ), когда жилъ тамъ „въ домѣ у жены мірской, у Федосьи Левлевны грѣшницы“, скрываясь въ подпольѣ ⁴⁾.

Длинный рядъ дѣлъ о скопцахъ въ Туль и въ разныхъ уѣздахъ и уѣздныхъ городахъ Тульской губерніи, идущій отъ конца прошлаго столѣтія до настоящаго времени, свидѣтельствуетъ, какъ прочно послѣ того утвердился здѣсь этотъ видъ сектанства, существованіе и распространеніе котораго поддерживалось вліяніемъ, исходившимъ изъ сосѣднихъ губерній, Калужской и особенно Орловской. ⁵⁾ Послѣднимъ по времени является дѣло о скопцахъ въ деревнѣ Нагаевѣ, Чернскаго уѣзда. Сообщаемыя далѣе свѣдѣнія о скопчествѣ въ этой мѣстности и основываются преимущественно на результатахъ судебного по дѣлу о немъ слѣдствія, производившагося въ 1895 году ⁶⁾.

I.

Въ Чернскій уѣздъ скопчество занесено было изъ г. Бѣлева, въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, сначала въ село

³⁾ Чтенія, 1872, I, 138—139. Тихвинъ—село Тихвинское, или Авдотьино, Бронницкаго уѣзда Московской губерніи. 1872, III, 64.

⁴⁾ Чтенія, 1872, I, 133: „А на крестъ свои люди отдавали въ руки Иудеямъ. А жилъ я въ городѣ Туль, въ домѣ у жены мірской, у Федосьи Левлевны грѣшницы, у ней въ подпольѣ тамъ и жилъ; она меня приняла, а свои не приняли, и они же привели къ ней въ домъ команду солдатъ и доказали“. По другимъ свѣдѣніямъ, однако, Селивановъ взятъ былъ не въ Туль, а въ Москвѣ (ср. 1872, III, 104). И самъ онъ, рассказавъ, какъ солдаты „вытащили за свитые волосы“ его изъ подполья, говоритъ далѣе: „И привели меня въ Тулу, и посадили меня на крѣпкомъ стулѣ,—и повезли изъ Тулы въ Тамбовъ, — и опять повезли меня въ Сосновку“ (для наказанія). О допросѣ женскаго учителя въ Туль и о наказаніи въ Сосновкѣ (скопческой Иерусалимъ) упоминается и въ скопческихъ пѣсняхъ. 1872, III, 106.

⁵⁾ См. статьи прот. Г. Панова. Матеріалы для исторіи сектанства въ Тульской губерніи. Тульскія Епарх. Вѣдомости. 1882, № 15, 16, 23, 24; 1883, 7; 1884, 18, 21; 1885, 6, 7, 11, 19, 22, 23, 24. Ср. также 1872, 5, 6; 1890, 5, 11, 14, 17, 20; 1892, 19; 1893, 1. Число дѣлъ о скопчествѣ, содержаніе которыхъ здѣсь излагается или которыя только упоминаются, за періодъ времени отъ начала настоящаго столѣтія до 80-хъ г.г. доходить до 60, при чемъ въ этотъ счетъ входятъ еще не всѣ дѣла за означенное время. Между прочимъ, встрѣчающееся въ указанныхъ статьяхъ наименованіе „молоканской“ секты (1882, 16, 1883, 7), или „скопческо-молоканской“ (1882, 23, 24; 1885), относится къ настоящимъ скопцамъ, не имѣющимъ, повидимому, чего либо общаго съ молоканами въ собственномъ смыслѣ. „Молоканскою“ называютъ секту скопцовъ, по П. Мельникову, также въ Калужской губерніи, въ Перемышльскомъ уѣздѣ, и въ Пермской, въ Осинскомъ уѣздѣ, на томъ основаніи, что скопцы употребляютъ въ скорные дни вмѣсто мяса только молочную пищу. Чтенія, 1872, II, 198.

⁶⁾ Экспертномъ со стороны духовнаго вѣдомства былъ въ этомъ дѣлѣ В. М. Свирцовъ, редакторъ-издатель „Миссіонерскаго Обозрѣнія.“

Черноусово, а потомъ и въ находящуюся верстахъ въ 2 отъ Черноусова деревню (сельцо) Нагаево, принадлежащую къ приходу села Успенскаго, или Лужень.

Какъ видно изъ возникшаго въ 1845 году дѣла, въ Бѣлевѣ, въ Петропавловскомъ приходѣ, проживала тогда „келейница“, крестьянка Варвара Васильева, лѣтъ 60, изъ Бѣлевскаго же уѣзда ⁷⁾. Имѣя при себѣ трехъ работницъ, убѣжденных сектантокъ, она содержала у себя нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣвочекъ изъ села Черноусова, Чернскаго уѣзда, подъ предлогомъ обученія ихъ тканью узоровъ, соврачая ихъ на самомъ дѣлѣ въ скопчество; двухъ изъ нихъ (Василису и Наталью) она оскопила при помощи работницъ. Въ домѣ Васильевой, въ Бѣлевѣ, происходили и радѣнія подъ ея руководствомъ. Кромѣ того, радѣнія происходили и въ селѣ Черноусовѣ, въ домѣ крестьянина Петра Иванова, дочь котораго Василиса около трехъ лѣтъ жила у Васильевой и была оскоплена ею. Сама Васильева нерѣдко бывала въ его домѣ. Петръ Ивановъ, въ свою очередь, по его собственнымъ словамъ, убѣждалъ перейти въ сектантство крестьянина того же села, Степана Иванова съ семействомъ, а также изъ крестьянъ деревни Нагаева—Макара Никитина, жену его Пелагею Семенову и сына Никифора, Ивана Иларіонова Борисова, Матвѣя Аверьянова, изъ крестьянъ деревни Лутовинова—Павла Сафонова. По заявленію причта села Лужень совращеніе 5 нагаевскихъ крестьянъ произошло лѣтомъ 1845 года.

Когда уличаемые въ принадлежности къ сектантству привлечены были къ отвѣтственности, Васильева и ея работницы не хотѣли ни въ чемъ сознаваться, хотя всѣ другіе подсудимые и показывали противъ нихъ. Чернскій уѣздный судъ полагалъ—Васильеву сослать въ каторжныя работы за совращеніе въ сектантство прочихъ подсудимыхъ и за насильственное развращеніе и оскотленіе малолѣтнихъ дѣвочекъ, работницъ ея сослать въ Закавказье на поселеніе, Петра Иванова и всѣхъ прочихъ, какъ принесшихъ „чистосердечное“

⁷⁾ Бѣлевскій уѣздъ былъ прежде и является и въ настоящее время наиболѣе зараженнымъ тайнымъ сектантствомъ, хлыстовщиной и скопчествомъ. Въ самомъ Бѣлевѣ, и именно въ районѣ Петропавловскаго прихода, на краю города, какъ такой мѣстности, гдѣ удобнѣе всего можно скрываться отъ постороннихъ взглядовъ, извѣстны и нынѣ 4 дома, населенные скопцами. Мѣстныя названія сектантовъ: „католика“ (съ удареніемъ на предпоследнемъ слогѣ) и „католички“, также „хрѣны“ и „хрѣновки“ (последнее въ бранномъ или презрительномъ смыслѣ) въ Чернскомъ уѣздѣ, повидимому, не употреблялись.

раскаяніе, оставитъ безъ наказанія, подчинивъ лишь ихъ надзору духовнаго и гражданскаго начальства. Палата Тульскаго уголовнаго суда нашла однако болѣе справедливымъ и Васильеву сослать только въ Закавказскій край; комитетъ министровъ рѣшилъ (1846 г. Ноября 12) сослать туда же и двухъ осклопленныхъ Васильевой дѣвицъ, между тѣмъ какъ работницы Васильевой были потомъ освобождены отъ этого наказанія (въ 1848 г.); одна изъ нихъ впрочемъ умерла нѣсколько ранѣе этого, другія двѣ, Матрена Никифорова и Прасковья Ѳедорова, отправлены на мѣсто своего жительства, въ деревню Величны, Бѣлевскаго уѣзда ⁸⁾.

Раскаяніе тѣхъ лицъ, которыя привлекаемы были по указанному дѣлу къ суду, но потомъ оставлены безъ наказанія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, оказалось однако далеко нечистосердечнымъ; надзоръ же надъ ними, повидимому, не былъ особенно внимательнымъ. О Петрѣ Ивановѣ и Степанѣ Ивановѣ, въ Черноусовѣ, ихъ же родственники уже въ 1847 г. заявляли, что они съ своими семействами продолжаютъ принадлежать къ сектѣ. Въ Нагаевѣ, сынъ Макара Никитина, Никифоръ, которому было тогда около 35 лѣтъ и который и ранѣе занимался совращеніемъ въ сектантство и приглашалъ, напр., Павла Сафонова, изъ деревни Лутовинова, на моленія Васильевой, не только не оставилъ сектантства, но и явился потомъ весьма дѣятельнымъ распространителемъ лжеученія между своими сосѣдами. Онъ именно, по показаніямъ нагаевскихъ крестьянъ, и утвердилъ скопчество въ Нагаевѣ, лѣтъ 50 тому назадъ, въ то время, когда оно готово было исчезнуть. Ему собственно, а не Петру Иванову, приписывается совращеніе и другихъ крестьянъ, Ивана Иларіонова и Матвѣя Аверьянова, также Антона Васильева Макарова и Ѳомы Кирѣева Панина. Подробныхъ свѣдѣній о его дѣятельности однако не имѣется. Въ 1862 году священникъ села Лужень, В. Русаковъ, доносилъ благочинному о существованіи въ Нагаевѣ какой то секты, послѣдователи которой никогда не ѣдятъ мяса, не пьютъ вина и не имѣютъ сношеній съ своими законными женами. Началось слѣдствіе и обвиняемые, Никифоръ Макаровъ съ женою и другими 7 сектантами, были заключены въ чернскую тюрьму. Но такъ какъ при медицинскомъ освидѣтельствovanіи никто изъ нихъ

⁸⁾ См. Тульскія Епарх. Вѣдомости, 1890, № 11, 14. Ср. дѣло въ Архивѣ дух. Консисторіи, 1845, № 6 (дѣла о сектанствѣ).

не оказался оскопленнымъ, Чернскій уѣздный судъ постановилъ прекратить слѣдствіе и всѣ они были освобождены ⁹⁾. Ома Панинъ послѣ этого бѣжалъ куда-то изъ Нагаева съ Антономъ Макаровымъ (въ Бѣлую Криницу?) Самъ Никифоръ Макаровъ чрезъ нѣсколько времени также ушелъ, будто бы въ Кіевъ. Но вскорѣ потомъ прошелъ слухъ, что онъ оскопилъ въ деревнѣ Рассохѣ, близъ села Рѣпнаго-Никольскаго, Чернскаго уѣзда, какихъ-то крестьянъ, отца и сына, что затѣмъ онъ былъ схваченъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, и сосланъ въ Сибирь. Оскоплены были на самомъ дѣлѣ крестьяне Федоръ Павловъ Моисеевъ и сынъ его Василій, которые оба были сосланы въ Сибирь. Макаровъ схваченъ былъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ, въ 1872 году, когда ему было 60 лѣтъ, вмѣстѣ съ другими сектантами (всѣхъ 54), Калужскимъ окружнымъ судомъ признанъ виновнымъ въ принадлежности къ скопчеству и самооскопленію и приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленный край восточной Сибири съ отдаченіемъ подъ строжайшій надзоръ мѣстной власти (22 Марта 1873 года). Въ Нагаевѣ осталась жена Макарова, Авдотья Степанова. Ко времени возбужденія дѣла о нагаевскихъ скопцахъ въ 1895 году ей было около 80 лѣтъ. Хотя въ церковь она ходила, но принадлежала къ сектѣ и посѣщала другихъ сектантовъ.

Преемникомъ Макарова по распространенію сектантства въ Нагаевѣ явился Савелій Тимоѣевъ Борисовъ, двоюродный братъ упоминаемаго въ дѣлѣ 1845—48 г. Ивана Иларіонова, бывшій главнымъ представителемъ сектантства до послѣдняго времени и имѣвшій „царскую печать“, или полное оскопленіе. Въ 1845 году ему было 16—17 лѣтъ. Съ какого времени онъ сдѣлался послѣдователемъ скопчества, отъ кого и когда принялъ оскопленіе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, онъ оскопленъ былъ не въ первой молодости, какъ показываютъ его наружность (борода) и фактъ, что онъ имѣлъ 5 дѣтей. (Сынъ его Константинъ родился въ 1856 г.). Въ 70-хъ годахъ крестьяне уже жаловались на него, какъ главнаго распространителя ереси. Въ 1873 г. 28 Декабря Луженское волостное правленіе, составивъ „протоколъ“ по заявленію Нагаевскихъ крестьянъ о распространеніи въ Нагаевѣ сектантства, обратилось съ нимъ къ судебной власти; во главѣ лицъ, зараженныхъ сектантствомъ, былъ указанъ при этомъ

⁹⁾ Ср. Тульскія Епарх. Вѣдомости, 1885, № 22, стр. 361.

Савелій съ своимъ семействомъ. Судебная власть нашла однако выставленныя противъ сектантовъ обвиненія, что они не ѣдятъ мяса и не пьютъ вина, недостаточными для того, чтобы начать слѣдствіе (1874 г. Января 24). Духовное начальство, которому представлены были послѣ этого правленіемъ „протоколъ“ и переписка съ судебной властью (7 Февраля), затребовало свѣдѣній о сектантахъ у мѣстнаго причта, но могло узнать только, что въ церковь они ходятъ даже исправнѣе православныхъ, хотя съ видимымъ лицемѣріемъ, соблюдаютъ посты, являются вообще по наружности исправными прихожанами, хотя въ 60-хъ годахъ и возникало о нихъ слѣдствіе, послѣ чего нѣкоторые изъ нихъ бѣжали изъ Нагаева; поэтому и оно рѣшило оставить дѣло безъ послѣдствій (1875 Янв. 27)¹⁰⁾. 20 Февраля 1875 года четверо нагаевскихъ крестьянъ опять заявляли чернскому исправнику, что въ ихъ селеніи все болѣе и болѣе распространяется сектантство благодаря именно Савелію Борисову, который совратилъ въ свою вѣру, по ихъ словамъ, незадолго предъ тѣмъ до 11 человекъ¹¹⁾. Крестьяне еще нѣсколько ранѣе, 8 Декабря 1874 года, обращались къ начальству съ подобнымъ же заявленіемъ. Но такъ какъ обыскъ въ домахъ сектантовъ произведенъ былъ только 8 Марта и сектанты успѣли приготовиться къ нему, то ничего подозрительнаго у нихъ не было найдено и дѣло противъ нихъ не было возбуждено¹²⁾.

¹⁰⁾ Дѣло въ Архивѣ дух. Консисторіи, 1874, № 2. Въ качествѣ принадлежавшихъ къ сектѣ въ 1873 году указаны 15 лицъ: 1) Савелій Борисовъ съ женою, сынъ его Филиппъ съ женою, дочь Марья и сынъ Константинъ; 2) Анна Мареева; 3) Прасковья Панина; 4) Ѳедотъ и Василій Панины съ женами; 5) Зиновья Мареева съ дочерью Авдотьей; 6) Авдотья Степанова Макарова. Секта называется иногда въ дѣлѣ „хлыстовскою“.

¹¹⁾ Указаны въ качествѣ совращенныхъ: 1) Ѳедотъ Панинъ съ женою, жена брата его Матрена Онуфриева и сестра послѣдней, изъ деревни Петровской, Марья; 2) въ домѣ Емельяна Иванова Мареева дочь его Анна; 3) въ домѣ Кондрата Аверьянова Бодрова дочь его Марья; 4) въ домѣ Степана Ѳедорова Мареева мать его Зиновья Кирѣева и сестра Авдотья; 5) Сафонъ Кирѣевъ Панинъ, жена его Марѳа Аванасьева и мать Ирина. Къ сектѣ принадлежали кромѣ того, по показанію крестьянъ: Прасковья Николаева Панина, сидѣвшая уже раньше въ острогѣ, семья Савелія Борисова, Авдотья Иванова Юдичева, Авдотья Степанова Макарова и невѣстка ея Евфимья.

¹²⁾ Стоялъ ли въ какой либо связи съ дѣятельностію Савелія Борисова и вообще съ нагаевскимъ скопчествомъ сдѣлавшійся тогда извѣстнымъ фактъ самооскопленія въ Декабрѣ 1874 года крестьянина деревни Димитріевки Димитрія Акиндѣва Мирошкина, который, по сообщенію священника села Воскресенскаго (или Тихвинскаго), С. Руднева, считался знахаремъ, занимался лѣченіемъ болѣзней, зналъ „еретическіе“ заговоры и изгонялъ изъ домовъ нечистыхъ духовъ, — осталось невыясненнымъ.

Занесенное изъ Бѣлева, насажденное первоначально Никифоромъ Макаровымъ, затѣмъ нашедшее распространителя въ лицѣ Савелія Борисова, скопчество сосредоточилось въ Нагаевѣ преимущественно въ трехъ фамиліяхъ: Борисовыхъ, Паниныхъ и Мареевыхъ.

Въ семействѣ Борисовыхъ кромѣ Савелія (66—67 лѣтъ) къ сектѣ принадлежали: сынъ его, Филиппъ (45 лѣтъ), жена Филиппа, Прасковья Лукьянова (40), и дочь Дарья (20); кромѣ дочери Филиппъ имѣлъ въ 1895 г. трехъ сыновей, (12, 10, и 9 лѣтъ). Проживавшая въ Таганрогѣ дочь Савелія Марья, также была сектанткою. Принадлежала къ сектѣ еще сестра Савелія, Матрена Тимоеева Юдичева; но еще до освобожденія крестьянъ она ушла изъ Нагаева вмѣстѣ съ Василисой Никифоровой Самониной; обѣ были пойманы въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, и сосланы. Неизвѣстно, когда совращенъ въ секту, конечно, Савеліемъ, сынъ племянника Савелія, Ѳедора Борисова, Никита (39 лѣтъ). Жена его, Марья Моисеева, повидимому, послѣдовала за мужемъ въ принятіи новой вѣры; однако назвать ее вполне убѣжденною сектанткою едва ли можно.

Съ давнихъ поръ укоренилось сектантство въ фамиліи Паниныхъ. Совращенный Никифоромъ Макаровымъ, Ѳома Кирѣевъ Панинъ, какъ упомянуто выше, бѣжалъ куда-то изъ Нагаева еще въ 60-хъ годахъ. Но оставшаяся здѣсь жена его, Прасковья Панина (57—58 лѣтъ), оскопленная полнымъ оскопленіемъ, принимала потомъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ скопчества. О ней ходили слухи, что она возить совращенныхъ въ сектантство дѣвушекъ къ какой-то старушкѣ и онѣ возвращаются послѣ этого больными; такъ она возила куда-то Ирину Марееву. Сафоновъ Кирѣевъ Панинъ, (около 70 лѣтъ) братъ Ѳомы, совращенъ вмѣстѣ съ женою и матерью Савеліемъ Борисовымъ; сестра его Зиновья Кирѣева Мареева, также сектантка. Савеліемъ же насаждено сектантство въ семействахъ Ѳедота Николаева Панина и брата его Василя. Въ семействѣ перваго, кромѣ его самого (45 лѣтъ), принадлежали къ сектантству жена его Дарья Тимоеева (40) и дочь Марья (25). Василій Панинъ (40) игралъ весьма важную роль въ сектѣ, какъ „пророкъ“, и по фанатизму не уступалъ, повидимому, Савелію и Филиппу Борисовымъ. При посредствѣ Василя и жены его Матрены Онуфриевой (41) въ секту совращена сестра послѣдній, Марья Ап-

росина (35), изъ деревни Петровской. Въ послѣднее время, повидимому, совсѣмъ перешла было въ сектантство родственница Паниныхъ, Анна Семенова Копылова, и начала ходить на сектантскія моленія; но потомъ она перестала посѣщать сектантовъ, когда въ 1895 году возбуждено противъ нихъ преслѣдованіе. Къ сектѣ принадлежала еще сестра Паниныхъ, живущая въ деревнѣ Сторожевой, Евфимья Николаева Троицкая.

Изъ семейства Мареевыхъ происходила „кормщица“ нагаевского корабля, дѣвица Анна Емельянова Мареева, (41 года отъ роду), признававшаяся наиболѣе важнымъ лицомъ между нагаевскими сектантами послѣ Савелія Борисова. Ей приписывается соращеніе нѣкоторыхъ лицъ, которыя по другимъ извѣстіямъ соращены Савеліемъ, именно Паниныхъ. Она же именно, будто бы, вовлекла въ ересь и отца своего, Емельяна Иванова (около 60 лѣтъ), сдѣлавшагося однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сектантовъ. Къ сектѣ принадлежала и жена Емельяна, Марина Прохорова. Другая дочь Мареева, Ирина (35 л.), являлась сектанткою, повидимому, потому лишь, что находились подъ вліяніемъ отца и сестры; требованія секты она не выполняла строго и имѣла дѣтей. Въ домѣ Мареевыхъ проживала еще сектантка Лукерья Петрова Бодрова (65 л.).

Кромѣ всѣхъ означенныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ сектѣ въ деревнѣ Нагаевѣ, слѣдуетъ назвать еще вдову Авдотью Иванову Юдичеву (54—55 л.). Между женщинами она была, насколько могли замѣтить православные сосѣди сектантовъ, одною изъ наиболее убѣжденныхъ сектантокъ, вмѣстѣ съ Анной Мареевой и Матреной Паниной. Подозрѣваема была въ сектанствѣ и Ирина Ильина Макарова, племянница Никифора Макарова.

II.

Когда въ Февралѣ 1895 года нѣкоторые изъ православныхъ крестьянъ деревни Нагаева (Митрофанъ Сафоновъ Ѳеодоровъ и братъ его Андрей, Ѳеодоръ Ефимовъ Цукановъ, Петръ Ивановъ Тютинъ) обратились къ чернскому исправнику съ донесеніемъ о существующихъ въ ихъ селеніи сектантахъ, при первоначальныхъ распросахъ указаны были въ качествѣ сектантовъ: Савелій Борисовъ, сынъ его Филиппъ съ женою Прасковьею, дочерью Дарьей и тремя сыновьями, Никита Борисовъ и жена его Марья, Ѳеодотъ Панинъ, жена его Дарья

и дочь Марья, Василій Панинъ, его жена Матрена и сестра послѣдней Марья, Емельянъ Мареевъ съ женою Мариною и дочерьми Анною и Ириною, Лукерья Бодрова, Авдотья Юдичева, Сафонъ Панинъ, Прасковья Панина, Авдотья Бодрова, Авдотья Макарова, Ирина Макарова— всего 26 человекъ; 6 изъ нихъ—Савелій и Никита Борисовы, Ѳедотъ, Матрена и Прасковья Панины и Авдотья Юдичева, по предположенію крестьянъ, должны были оказаться оскопленными. Подозрѣваемые въ оскотленіи были захвачены, равно и обвиняемые въ распространеніи ереси—Василій Панинъ и Анна Мареева,

Изъ перечисленныхъ 26 человекъ 3 сына Филиппа Борисова были освобождены отъ отвѣтственности по малолѣтству, Марина Мареева умерла, когда начато было слѣдствіе. Но за то потомъ къ числу лицъ, подозрѣваемыхъ въ сектантствѣ, присоединены были: Зиновья Мареева и Анна Копылова изъ той же деревни, затѣмъ Арсеній Борисовъ и Евфимья Троицкая изъ деревни Сторожевой. Что касается факта оскотленія, то предположеніе крестьянъ при медицинскомъ осмотрѣ оправдалось по отношенію ко всѣмъ указаннымъ ими лицамъ, кромѣ Авдотьи Юдичевой, у которой ясныхъ признаковъ какой-либо операци не оказалось, такъ что она освобождена была изъ заключенія. Но въ то же время при медицинскомъ осмотрѣ признана была оскотленною неполнымъ оскотленіемъ Анна Мареева. Савелій Борисовъ имѣлъ „большую печать“, или „царскую“— полное оскотленіе, Никита Борисовъ и Ѳедотъ Панинъ— „малую печать“. Полное оскотленіе было у Матрены и Прасковьи Паниныхъ.

Опредѣлить, кто именно принадлежитъ къ сектѣ, мѣстные жители могли безъ особыхъ затрудненій, основываясь частію на наблюденіяхъ за образомъ жизни и поведеніемъ сектантовъ, въ особенности за отношеніями ихъ къ церкви и ея обрядамъ, частію на сообщеніяхъ самихъ же сектантовъ, которые не всегда находили нужнымъ скрываться отъ сосѣдей и иногда проговаривались ненамѣренно, иногда обращались къ нимъ съ пропагандою.

Вообще сектанты старались держаться болѣе или менѣе вдали отъ православныхъ, находясь въ близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ лишь другъ съ другомъ; другъ друга они называли при этомъ „братцами“, „сестрицами“, „нянюшками“. Въ особенности уклонялись они отъ разныхъ деревенскихъ увеселеній. Замѣчали, что сектанты избѣгаютъ яркихъ цвѣтовъ въ одеждѣ; женщины обыкновенно носили бѣлые плат-

ки. Извѣстно было, что они никогда не употребляютъ въ пищу мяса, вовсе не пьютъ вина.

Семейства, въ которыхъ утвердилось сектантство, видимо отличались зажиточностью, хотя торговлею или какими либо особыми промыслами хозяева ихъ и не занимались, — только Борисовы занимались столярнымъ ремесломъ. Объяснять эту зажиточность сектантовъ только лишь большимъ воздержаніемъ и трудолюбіемъ ихъ сосѣди не находили возможнымъ, тѣмъ болѣе, что оказывались данныя для иного объясненія. По словамъ Митрофана Ѳедорова, подѣ Мценскомъ проживалъ какой-то мельникъ, пріятель Василя Панина; къ нему и всѣ нагаевскіе сектанты ѣздили очень часто, чуть не каждую недѣлю. Этотъ мельникъ потомъ сосланъ былъ въ Сибирь за скопчество и Ирина Мареева сообщала Митрофану Ѳедорову, будто онъ передалъ Василю Панину деньги, 10 тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы тотъ посылалъ ему эти деньги по частямъ въ Сибирь. Объ этомъ Ирина кричала однажды даже на улицѣ, поссорившись съ Василемъ Панинымъ въ 1894 году, какъ слышала Ѳекла Копылова. Въ другой разъ Митрофанъ Ѳедоровъ и Копылова, также мужъ Копыловой, были свидѣтелями, какъ Дарья, жена Ѳедота Панина, когда у послѣдняго была ссора съ Василемъ, стала упрекать Василя, что онъ захватилъ большія богатства у мельника и теперь ничего не посылаетъ ему, какъ обѣщалъ, а Савелій Борисовъ, Ѳедотъ Панинъ, Емельянъ Мареевъ, Авдотья Юдичева и Прасковья Панина сложились и послали ему 10 рублей. Въ Мценскомъ уѣздѣ, въ селѣ Подчерневѣ, дѣйствительно были скопцы, изъ которыхъ 6 человекъ сосланы были въ Сибирь въ концѣ 80-хъ годовъ; одинъ изъ нихъ, Денисъ Андреевъ Гришинъ, имѣлъ вѣтряную мельницу, хотя неизвѣстно, имѣлъ ли онъ капиталъ; скопцы эти сами ѣздили часто въ Мценскъ, гдѣ жила раньше какая-то Дарья, переселившаяся потомъ въ Одоевъ, гдѣ она также принимала у себя скопцовъ. Во всякомъ случаѣ, сектанты, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, располагали, повидимому, довольно значительными для крестьянъ матеріальными средствами и при пропагандѣ обыкновенно обѣщали возвращаемымъ, что и они сдѣлаются богатыми, если перейдутъ въ секту, указывали даже прямо извѣстную сумму денегъ, какая можетъ быть получена за принятіе ихъ вѣры. О Емельянѣ Мареевѣ извѣстно, что онъ разбогатѣлъ и построилъ себѣ новый домъ въ половинѣ 80-хъ годовъ.

При своей зажиточности, сектанты составляли въ деревнѣ какъ бы особую партію и пользовались, разумѣется, своимъ вліяніемъ въ цѣляхъ пропаганды. Безъ согласія ихъ, по словамъ священника, нельзя было рѣшить никакого важнаго дѣла. Это обнаружилось, напр., когда хотѣли въ деревнѣ сдѣлать приговоръ о надѣлѣ земли Авдотѣ Самониной, но вслѣдствіе несогласія сектантовъ не оказалось для этого нужнаго числа голосовъ. Противодѣйствовали сектанты, по заявленію священника, и открытію школы, хотя школа и была потомъ открыта (сами сектанты грамотны и обучаютъ другъ друга).

Въ церковь сектанты ходили исправнѣе даже православныхъ, но всѣ знали, что это дѣлается лишь напоказъ. Стоя въ церкви, они усердно клали поклоны; но замѣчали, что во время проповѣди священника они разговаривали и смѣялись. На исповѣдь и ко причащенію являлись всѣ; но объ Емельянѣ Мареевѣ былъ слухъ, что однажды онъ выплюнулъ причастіе въ рукавъ. Когда уже возникло дѣло о нагаевскихъ скопцахъ и нѣкоторые изъ нихъ были заключены въ тюрьму, оставшіеся на свободѣ сектанты усиленно просили священника допустить ихъ къ исповѣди и причащенію. На свадьбы и крестины они никогда не ходили; о свадьбахъ Савелій и Филиппъ Борисовы и Анна Мареева говорили, что это—„собачій сбѣгъ“; о новорожденныхъ младенцахъ говорили: „родился антихристъ“. Восприемниками при крещеніи, повидимому, никогда не бывали; Анна Мареева хотя крестила дѣтей у скотника на барскомъ дворѣ помѣщика Соболева, гдѣ она постоянно бывала, но заочно, очевидно—не безъ особой цѣли. Замѣчено, что въ случаѣ смерти кого-либо изъ сектантовъ, на погребеніе собирались всѣ сектанты, тогда какъ на погребеніе православныхъ не приходилъ изъ нихъ никто. Однако предварительно они по своему „убирали“ умершаго и потомъ уже отдавали для погребенія по православному обряду, говоря при этомъ, что теперь „приступаютъ грѣшники“ (себя сектанты считали святыми, такъ что отъ нихъ и по смерти будто бы „ладномъ пахнетъ“); объ этомъ передавала Митрофану Ѳедорову Марья Борисова. Панихиды по умершимъ послѣ заказывали и справляли поминки. На водосвященія, напр., въ день Богоявленія, сектанты ходили до послѣдняго времени; но крестьяне слыхали, какъ Филиппъ Борисовъ говорилъ однажды: „попъ обмылъ въ водѣ свои табачныя руки, а насъ заставляютъ эту воду пить“. Въ пос-

лѣднее же время, предъ возникновеніемъ дѣла, нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ перестали, повидимому, ходить на водосвященія; не являлись также вмѣстѣ съ православными и для освященія пасхи, напр., Василій Панинъ. Сектанты не христосовались съ православными, а только между собою; въ крайнемъ случаѣ подставляли для цѣлованія щеку. Но съ священникомъ всегда христосовались. Вообще священника они старались принимать всегда по возможности радушно; между тѣмъ за глаза называли его разными бранными именами.

Однимъ изъ наиболѣе ясныхъ признаковъ принадлежности къ сектѣ было посѣщеніе тѣмъ или другимъ лицомъ богослужебныхъ собраній сектантовъ. Хотя собранія эти происходили тайно, по ночамъ, и приходившіе на нихъ старались пройти по деревнѣ незамѣтно, въ одиночку, когда дѣлалось уже темно, однако православные жители деревни не могли не знать о нихъ. Сосѣди, напр., Борисовыхъ весьма часто могли видѣть приходившихъ поздно вечеромъ къ Борисовымъ или уходившихъ отъ нихъ утромъ лицъ; при встрѣчахъ съ православными они спѣшили закрыться одеждою, однако часто можно было узнавать нѣкоторыхъ изъ нихъ. Собранія бывали по ночамъ съ субботы на воскресенье; иногда, повидимому, и съ пятницы на субботу. Не прекращались они и въ то время, когда нѣкоторые сектанты уже были захвачены. Мѣстами собраній, кромѣ дома Борисовыхъ, служили дома Ѳедота и Василя Паниныхъ и Емельяна Мареева. Дома Борисовыхъ и Паниныхъ имѣли при этомъ нѣкоторыя особенности въ своемъ устройствѣ, объясняемая ихъ назначеніемъ. Усадьба Борисовыхъ представляла изъ себя совершенно закрытый дворъ, обнесенный каменной стѣной съ двумя воротами. Во дворѣ, примыкая къ стѣнамъ, находились два дома: большой, деревянный, въ которомъ помѣщался Филиппъ, сынъ Савелія Борисова, съ двумя мастерскими, гдѣ были инструменты и матеріалы для столярнаго и токарнаго мастерства, и довольно большой комнатой, въ родѣ зала, рядомъ съ которой находились еще двѣ комнаты,—и малый, каменный, гдѣ жилъ самъ Савелій, съ перегородками внутри. Входы въ оба дома—со двора; всѣ окна также выходятъ во дворъ или въ садъ. Дома Ѳедота и Василя Паниныхъ имѣютъ общій дворъ. Входъ въ первый изъ нихъ съ улицы; но окна большой комнаты („горницы“) въ немъ выходятъ во дворъ, причемъ къ этой комнатѣ прилегаютъ со стороны улицы двѣ маленькія комнаты. Домъ Василя находится въ глу-

бинѣ двора. Въ домѣ Мареева окна выходятъ, какъ обыкновенно, на улицу.

Что дѣлалось на этихъ тайныхъ собраніяхъ, объ этомъ крестьяне не знали и были убѣждены, что если кто станетъ подсматривать за сектантами, когда они молятся, того они могутъ даже убить, и что вообще они принимаютъ въ этомъ случаѣ всѣ мѣры предосторожности противъ излишняго любопытства постороннихъ. Въ 1874 году на святой недѣлѣ, въ ночь съ пятницы на субботу, Ѳеодоръ Ефимовъ Цукановъ хотѣлъ было посмотреть въ окно въ домѣ Савелія Борисова, когда тамъ совершалось моленіе у сектантовъ; но не успѣлъ еще увидѣть или услышать что-либо, какъ кто-то сильно ударилъ его палкою по головѣ, такъ что онъ упалъ. Нѣсколько лѣтъ спустя Митрофанъ Сафоновъ Ѳеодоровъ, возвратившійся изъ военной службы въ 1879 году, исправлялъ однажды осенью, послѣ Успенія, должность караульнаго въ деревнѣ, и ходя по улицѣ, когда подошелъ къ дому Ѳедота Панина, слышалъ раздававшееся оттуда пѣніе многихъ мужскихъ и женскихъ голосовъ и какъ бы хлопанье въ ладоши; это было около полуночи. Окна на улицу въ домѣ Ѳедота были завѣшаны. У одного окна Митрофанъ Ѳеодоровъ сталъ прислушиваться, слышалъ слова: „голубокъ“, „голуби, Богомъ созданы“, „Божія Матерь по полку гуляла“. Болѣе не слышалъ, потому что вышла изъ воротъ двора Марья, невѣстка Василия Панина, изъ деревни Петровской, и стала приближаться къ нему. Ѳеодоровъ поспѣшилъ отойти отъ окна. Марья спросила: чего ему нужно? Онъ отвѣтилъ, что пришелъ по дѣлу къ мужикамъ. Марья сказала, что они спятъ уже. Когда затѣмъ Ѳеодоровъ сталъ уходить отъ дома Паниныхъ, онъ видѣлъ, какъ она обошла кругомъ весь дворъ. Возвратившись чрезъ нѣсколько времени опять къ дому Паниныхъ, Ѳеодоровъ подошелъ къ двору Емельяна Мареева, находившемуся противъ дома Паниныхъ, на другой сторонѣ улицы, и сѣлъ подъ ракичками. Пѣніе слышалось почти до разсвѣта. Не дожидаясь, когда сектанты начнутъ расходиться, Ѳеодоровъ ушелъ домой и рассказалъ о видѣнномъ и слышанномъ женѣ; послѣдняя тогда отсвѣтовала ему доносить кому либо о сектантахъ, чтобы не нажить неприятностей. Наканунѣ Ѳеодоровъ видѣлъ, какъ Василій Панинъ привезъ по дорогѣ отъ села Черноусова, чрезъ которое ѣздить на станцію желѣзной дороги Чернь, какую-то неизвѣстную женщину; эту женщину нѣсколько разъ привозили въ Нагаево. Вообще въ Нагаевѣ

ходили слухи о прїѣздѣ неизвѣстныхъ людей на богомоленія сектантовъ, которые содержали ихъ въ тайнѣ, какъ передавала объ этомъ Митрофану Ѳедорову жена Никиты Борисова, Марья.

„Попомъ“ сектантовъ въ Нагаевѣ считался Савелій Борисовъ; этимъ именемъ называли его дѣти въ сектантскихъ семействахъ. Анна Мареева извѣстна была съ именемъ „божицы“ и видимо пользовалась особымъ уваженіемъ въ средѣ сектантовъ. Матрена Панина, которая одно время, въ началѣ 80-хъ годовъ, часто ходила въ домъ Митрофана Ѳедорова, даже ночевала тамъ и вела при этомъ разговоры о вѣрѣ, увѣряла, далѣе, что Филиппъ Борисовъ и ея мужъ Василій одни изъ самыхъ важныхъ лицъ въ сектѣ и угодные Богу „пророки“. То же говорила и Анна Мареева, которая прибавляла, что прежде „пророкомъ“ былъ Филиппъ Савельевъ, но когда жена его стала рождать дѣтей, тогда главнымъ сдѣлался Василій Панинъ. Подтверждала это и Матрена Панина, также Ирина Мареева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Будь всѣмъ слугой: такова заповѣдь Спасителя *).

„Иже аще хочетъ въ васъ вящій быти, да будетъ вамъ слуга, и иже аще хочетъ въ васъ быти старѣй, да будетъ всѣмъ рабъ“ (Марк. 40, 44): горькое для нашего самолюбія правило Господа Иисуса Христа! Мы стремимся выситься, а Онъ заповѣдуетъ намъ смиряться; мы желаемъ подчинить себѣ другихъ, управлять и господствовать, а Онъ повелѣваетъ намъ служить всѣмъ и каждому. Можетъ ли мірское своеправіе и самолюбіе примириться съ такимъ правиломъ? Нѣтъ, оно говоритъ: служить всякому, быть рабомъ для всѣхъ — развѣ это можно? Люди способнѣйшіе должны занимать господствующее, по отношенію къ другимъ, положеніе, и каждому естественно заботиться объ устройствѣ своего положенія. Да и Господь не можетъ возлагать на насъ обязанности невыполнимыя, иго, котораго мы не въ силахъ понести. Такъ говоритъ мірское самолюбіе. Но покорный слову Спасителя разсуждаетъ иначе. Большой долженъ быть слугою всѣмъ, первый долженъ быть для всѣхъ рабомъ. Что же тутъ уди-

*) Слово въ 5 нед. Четырдесятницы.

вительнаго? Что естественнѣе того, что сильный и могущественный подаетъ помощь слабому, высшій поддерживаетъ низшаго? Если мы занимаемъ какое либо высшее положеніе, то ужели служеніе общему благу и служеніе низшимъ себя можетъ унижать это положеніе, а не возвышать? Отнюдь нѣтъ. Посмотрите: кого изъ своихъ предковъ чтить потомство благодарною памятью? Тѣхъ ли, которые искали собственной пользы, или тѣхъ, которые стремились къ пользѣ общественной? Оно чтить доблестныхъ воиновъ, умершихъ за вѣру, царя и отечество; чтить государственныхъ людей, отдавшихъ всѣ силы свои благу народа; чтить людей науки, пожертвовавшихъ всѣми утѣхами міра для того, чтобы обогатить отечество полезными открытіями, или внести свѣтъ правды и добра въ жизненную среду современнаго общества; чтить милостивыхъ устроителей храмовъ, учредителей школъ для юношества, давшихъ возможность, благодаря правильно-употребленнымъ ихъ матеріальнымъ средствамъ, возсіять свѣту истины и правды въ умахъ и сердцахъ взрослыхъ и юныхъ; чтить устроителей больницъ для недужныхъ, богадѣленъ для старыхъ, пріютовъ для сиротъ и убогихъ, значить, общество чтить тѣхъ изъ богатыхъ людей, которые все свое сердце не богатству отдавали, а добродѣтели. При этомъ только, при безкорыстномъ служеніи своимъ богатствомъ, твердо и безопасно и самое богатство. Примѣры богатыхъ добродѣтельныхъ людей извѣстны и изъ ветхозавѣтной исторіи. Авраамъ за любовь успокоивать странниковъ, удостоился принять Самого Бога. Иовъ былъ отцемъ для немощныхъ, отъ стриженія овецъ его согрѣвались плечи убогихъ, и дверь его была отверзта всякому проходящему. Оба ветхозавѣтные мужа пользовались почетомъ за правильное употребленіе богатства. И какъ въ давнія времена, такъ и теперь чтутъ всякаго, безкорыстно и самоотверженно послужившаго обществу, а не своему только личному благу.

Труднымъ и тяжелымъ зовется переживаемое нами время. Какая причина тому? Не ищите ея внѣ себя—нѣтъ, міръ такъ же прекрасенъ и теперь, какъ былъ и доселѣ,—ищите ее внутри себя, въ тайникахъ человѣческаго сердца, и увидите, что мутный источникъ этотъ есть наше своекорыстіе, наше самолюбіе.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ возможны были бы жалобы на трудность жизни, если бы каждый изъ насъ стремился къ достиженію не личной только, а общей пользы, если бы всѣ,

какъ одинъ человѣкъ, были одушевлены желаніемъ общаго, а не своего только блага? При всеобщей взаимной помощи легко было бы править жизненнымъ кораблемъ, и житейскія бури не причиняли бы столь частыхъ крушеній нашего благополучія, какъ причиняютъ въ настоящее время, когда то и дѣло гибнуть благосостоянія не только отдѣльныхъ лицъ и семей, но и цѣлыхъ сословій, обществъ, городовъ и даже государствъ. И это оттого, что цѣлью жизни поставляется теперь достиженіе собственныхъ выгодъ на счетъ выгодъ ближняго, собственное возвышеніе на счетъ возвышенія другихъ. Правда, не легко преодолѣвать свое самолюбіе, заглушать въ себѣ своекорыстныя стремленія, трудно заставить себя быть слугою и рабомъ для всѣхъ, но эта трудность не должна устрашать христіанина. Онъ долженъ помнить, что, по слову Господа, „только князи или начальники языческихъ народовъ управляютъ своими подчиненными по произволу, возвышаютъ и унижаютъ ихъ, какъ хотятъ; пользуются ими для своихъ выгодъ“ (Марк. 10, 42), но между вами, говоритъ Господь ученикамъ Своимъ, а чрезъ нихъ всѣмъ христіанамъ, не должно быть такъ; а кто хочетъ быть большимъ между вами, да будетъ слуга. Какъ бы такъ говоритъ Господь: въ Моемъ царствѣ преимущество высшихъ состоитъ не въ томъ, чтобы властвовать надъ другими, или однихъ произвольно возвышать, другихъ низлагать; а напротивъ,—въ смиреніи предъ другими, въ служеніи другимъ. Кто больше служитъ другимъ съ смиреніемъ, съ самоотверженіемъ, съ дѣтскою покорностью: тотъ и выше другихъ. Господь показываетъ чрезъ это, какъ несогласно съ Его ученіемъ, или съ порядкомъ Его царства,—честолюбіе, исканіе преимуществъ, негодованіе и вражда изъ за преимуществъ; все это противно отличительнымъ свойствамъ учениковъ Его, то есть, смиренію и взаимной любви.

„О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,“ сказалъ Спаситель (Іоанн. 13, 35). Отъ любви можетъ проистекать одно добро, „ибо любви искреннему злу не творить“ (Рим. 13, 10). Любы, по богодухновеннымъ словамъ Апостола: „долготерпѣть, милосердствовать, не завидѣть, не превозноситься, не гордиться, не безчинствовать, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, сорадуется же истинѣ. Все покрываетъ, все переноситъ“ (1 Кор. 13, 4—7).

Если мы желаемъ быть христіанами на дѣлѣ, а не по имени только, то должны возрѣвать въ себѣ любовь къ ближнимъ—

эту необходимую принадлежность всякаго христіанина; „должны есмы, по ученію апостола, мы сильніи немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати: кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію. Ибо и Христосъ не Себѣ угоди, но якоже есть писано: поношенія поносящихъ Тебѣ нападоша на Мя“ (Рим. 15, 1—3). Что, какъ не любовь къ намъ грѣшнымъ, побудило и Сына Божія прійти на землю, воспринять зракъ раба, понести позоръ и поношенія, испить до дна всю чашу страданій? Вотъ для насъ высочайшій образъ любви, вотъ совершеннѣйшій примѣръ служенія всѣмъ. Царь славы терпитъ униженіе; Господь всѣхъ — служитъ своимъ рабамъ. Мы ли не должны смирятся другъ предъ другомъ, мы ли въ правѣ отказываться отъ того, что-бы быть слугами нашихъ ближнихъ, когда для насъ и предъ нашими глазами примѣръ Владыки Христа, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, во вѣки.

Священникъ Николай Архангельскій.

Успенско-Иверекій женскій монастырь, бывшая Борщевская Крестовоздвиженская Община.

Однимъ изъ замѣчательныхъ явленій во второй половинѣ настоящаго столѣтія у насъ, въ Россіи, является умноженіе общинъ и монастырей, преимущественно женскихъ. Объясняется это тѣмъ, что нашъ вѣкъ — вѣкъ религіознаго индифферентизма, замѣчаемаго какъ среди интеллигенціи, такъ иногда и простаго народа — съ одной стороны, и религіознаго блужданія въ родѣ толстовщины, штунды и т. п., — съ другой, естественно возбуждаетъ въ душахъ людей истинно-вѣрующихъ большую преданность Христовой вѣрѣ, желаніе проявить свою любовь къ Богу какими-нибудь подвигами, а гдѣ же эти подвиги, какъ не въ монастыряхъ съ ихъ обѣтами любви, послушанія, нестяжательности, отреченія отъ міра и его радостей. И вотъ возникаютъ обители. Достаточно ознакомиться съ исторіей возникновенія хоть какой-нибудь обители, чтобы придти къ заключенію, что не земныя выгоды руководили и руководятъ ихъ основателями и основательницами. И никто не станетъ отрицать того религіозно-воспитательнаго значенія, какое имѣютъ монастыри и общины для прилегающаго къ нимъ на-

родонаселенія. Благоговѣнное совершеніе церковныхъ службъ, стройное пѣніе монастырскихъ хоровъ, строгая подвижническая жизнь, св. мощи, чудотворныя или чтимыя иконы, монастырскія школы, больницы и т. д.—все это утверждаетъ въ народѣ добрыя навыки, искореняетъ суевѣріе, дурныя обычаи и пороки,—словомъ, духовно облагораживаетъ и нравственно возвышаетъ народъ. Съ этой точки зрѣнія усиленный ростъ обителѣй желателенъ. Не бѣдна въ этомъ отношеніи и наша Тульская епархія. Изъ обителѣй Тульской епархіи въ послѣднее время стала быстро выдвигаться Борщевская Крестовоздвиженская община, обращенная въ минувшемъ году въ Успенско-Иверскій женскій общежительный монастырь. Исторія возникновенія и постепеннаго развитія этой общины можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ того, что не матеріальныя какія-нибудь средства или выгода способствовали этому дѣлу.

Въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города Венева и въ 17 отъ станціи „Оболенское“ Сызрано-Вяземской ж. д. находится небольшое сельцо Борщевое, принадлежавшее семейству дворянъ Хрипковыхъ, состоявшему въ пятидесятихъ годахъ изъ матери, двухъ братьевъ и трехъ сестеръ. Все это семейство, а особенно дочери, воспитано было въ страхѣ Божіемъ и строгомъ благочестіи. Получивъ прекрасное образованіе, при счастливой наружности, дочери, несмотря на представляющуюся возможность сдѣлать выгодныя партіи замужствомъ, отказались отъ этого.

Младшая, удалившись отъ міра съ благословенія матери, постриглась въ одномъ изъ женскихъ монастырей,—старшей же, Елизаветѣ Павлов. Хрипковой, Промыслъ Божій указалъ другое поприще. Она первая, можно сказать, положила краеугольный камень въ основаніе будущей общины, соорудивъ храмъ въ своемъ имѣніи. Произошло это такимъ образомъ. Въ 1851 году въ Петербургъ прибылъ для сбора подаваній съ Аэона изъ Есеигмено-Вознесенскаго монастыря греческій архимандритъ Агаангель съ крестомъ изъ животворящаго древа. Елизавета Павл., бывшая въ то время въ Петербургѣ, удостоилась лобызать крестъ и познакомилась съ архимандритомъ, который на возвратномъ пути, проѣздомъ черезъ Тулу по просьбѣ Елизаветы Павл. посѣтилъ съ крестомъ и ихъ имѣніе Борщевое. Увлекаемая благоговѣніемъ и любовью ко кресту, дѣвица Елизавета послѣдовала за нимъ, и между прочимъ посѣтила Іерусалимъ и всѣ мѣста, освященныя стопами и кровію нашего Спасителя. По возвращеніи изъ Іеруса-

лима непреодолимое желаніе овладѣло ею построить у себя въ имѣніи храмъ во имя Креста Господня, отъ Котораго она чудеснымъ образомъ получила исцѣленіе отъ глазной болѣзни. Но построеніе подобнаго рода домовыхъ церквей въ то время было сопряжено съ весьма большими затрудненіями. На это требовалось разрѣшеніе Св. Синода, и даваемо оно бывало только людямъ заслуженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ немощнымъ. Но сила Животворящаго Креста не оставила ревностную почитательницу Его. Какъ женщина въ высшей степени религіозная, Хрипкова, прежде чѣмъ рѣшиться приступить къ осуществленію своего желанія, отправилась помолиться въ Троицкую Сергіеву Лавру, чтобы тамъ при мощахъ подвижника и чудотворца почерпнуть силы на избранный ею трудъ. На дорогѣ изъ Москвы въ Троицкую Лавру она совершенно случайно встрѣтила Великую Княгиню Елену Павловну, которая, какъ извѣстно, отличалась большою набожностію и благотворительностію, и рассказала ей о своемъ желаніи построить храмъ и о представляющихся затрудненіяхъ. Выслушавъ, Великая Княгиня дала обѣщаніе помогать въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ и приказала приготовить докладную записку. Но счастье дѣвицы Хрипковой этимъ не ограничилось. Господь послалъ ей новую радость. На возвратномъ пути изъ Лавры она встрѣтила Государя Императора Александра Николаевича, ѣхавшаго въ Севастополь и проѣздомъ желавшаго также поклониться мощамъ преподобнаго Сергія. Удостоившись поднести Государю крестъ съ частию животворящаго древа, даннаго ей въ благословеніе во время посѣщенія Іерусалима, Хрипкова въ то же время осмѣлилась подать и докладную записку, приготовленную по приказанію Великой Княгини Елены Павловны. Принявъ съ благоговѣніемъ крестъ и внимательно разсмотрѣвъ просьбу, Монархъ приказалъ объяснить все это дѣло знаменитому Московскому митрополиту Филарету, къ которому препроводилъ и самую записку. Приспомятныи Святитель, благословивъ на доброе дѣло, подалъ со- вѣтъ обратиться прежде къ мѣстному епископу и просить его ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи построить храмъ, обѣщаясь съ своей стороны повліять, чтобы это ходатайство было уважено. Такъ было и поступлено. И вотъ указомъ, отъ 22 Декабря 1855 года, Св. Синодомъ разрѣшено было построить храмъ съ тѣмъ, чтобы онъ находился въ вѣдѣніи причта села Богородицкаго, а для отправленія въ немъ богослуженія назначались заштатные священники. Такимъ

образомъ одно изъ затрудненій было устранено. Но впереди было много другихъ и еще ббльшихъ. Главнымъ затрудненіемъ было то, что средствъ даже на начатіе постройки храма у Елизаветы Пав. Хрипковой не было рѣшительно никакихъ, такъ какъ все, что получалось съ небольшого имѣнія, едва доставало на семейное содержаніе. Гдѣ было взять? Что было дѣлать?! Представлялся одинъ исходъ — сборъ. Но этотъ исходъ, при трудностяхъ пути и непріятностяхъ сбора, показался на первыхъ порахъ, какъ другимъ, такъ и самой Елизаветѣ Пав. безразсуднымъ. Внутренній голосъ, говоритъ она въ своихъ запискахъ, твердилъ ей: „осуществится твое желаніе, вѣруй: невозможная отъ человѣкъ, возможна суть у Бога“, а разсудокъ представлялъ свои разубѣжденія: какъ побѣдить стыдъ, который, безъ сомнѣнія, родится при просьбѣ подаяній отъ незнакомыхъ людей, какъ посмотреть на это родные и знакомые, не назовутъ ли неосмотрительной и неразсудительной. При томъ угодно ли Господу Богу это построеніе храма. Эта и подобныя мысли долгое время производили въ душѣ Хрипковой страшную борьбу. Но сила Животворящаго Креста Господня, въ который она глубоко вѣровала и который такъ благоговѣйно почитала, помогла ей побѣдить и ложный стыдъ, и свѣтское приличіе, и слабость здоровья. Вслѣдствіе этого, съ выданною изъ Тульской Духовной Консисторіи книгою, она отправилась для сбора подаяній. Съ покорностію волѣ Божіей проходила дѣвица Елизавета избранное ею поприще труда, собирала безъ лѣности, безъ оскорбленія переносила всѣ непріятности, которыя встрѣчала на этомъ поприщѣ; съ другой стороны не предавалась гордости, не приписывала успѣха сбора себѣ, но все относила къ Богу, не смущалась и при малыхъ подаяніяхъ, но приносила благодареніе Господу за всякую жертву отъ большой до самамалѣйшей, и Господь не оставилъ её. Въ пожертвованіяхъ приняли участіе Государь Императоръ съ Государыней и Дѣтьми, Великая Княгиня Елена Павловна и многіе изъ знатнѣйшихъ и высокопоставленныхъ лицъ. Но, несмотря на помощь и такихъ лицъ, собранная сумма оказалась далеко не достаточной. Въ 1858 году, вслѣдствіе просьбы, поданной Хрипковой на Высочайшее Имя и препровожденной въ Св. Синодъ, послѣдній опредѣлилъ въ пособіе на построеніе храма при Борщевой ассигновать изъ суммъ Строительнаго Комитета православнаго духовнаго вѣдомства заимообразно 1000 рублей съ тѣмъ, чтобы сумма эта была въ послѣдствіи выплачена, по мѣрѣ воз-

возможности, изъ доходовъ церкви. Такимъ образомъ по благодати Божіей, силою честнаго Животворящаго Креста и при пособіи благотворителей желаемый храмъ былъ сооруженъ. Недоставало только средствъ на пріобрѣтеніе церковной утвари и богослужебныхъ книгъ. Тогда храмостроительница опять возобновила сборъ, для облегченія и бѣльшей успѣшности котораго выхлопотала разрѣшеніе печатать и продавать копии съ чудотворной иконы Успенія Божія Матери, привезенной ею изъ Геесиманіи. И на этотъ разъ трудъ ея не пропалъ даромъ. Все нужное для храма частію было куплено на собранныя деньги, частію пожертвовано благотворителями. Такъ между прочимъ Великою Княгиней Еленой Павловной пожертвованъ былъ серебрянный вызолоченный ковчегъ, стоимостью около 300 руб. Послѣ смерти вдовствовавшей Императрицы Александры Теодоровны пожертвованы были глазетовыя священническія и діаконскія облаченія съ гербами, точно такое же облаченіе было пожертвовано Государыней Маріей Александровной. 27 Августа 1862 года вновь сооруженный храмъ былъ освященъ епископомъ Тульскимъ Никандромъ, а чрезъ два года въ самый день Благовѣщенія скончалась храмостроительница Елизавета Павл. Хрипкова и похоронена въ семейномъ склепѣ, устроенномъ подъ храмомъ. Это была женщина въ высшей степени нравственно-чистая и религіозная. Въ послѣдніе два года она неопустительно посѣщала церковныя службы. Приходила всегда къ началу Богослуженія, а иногда и ранѣе, сама принимала участіе въ чтеніи разныхъ молитвословій и въ церкви, и дома. Молитва ко Господу Богу была пищею ея души, которую она употребляла для укрѣпленія своихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Ежегодно бывала по нѣскольку разъ у исповѣди и св. Причастія, къ чему приступала не иначе, какъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и полнымъ сознаниемъ своего недостойнства предъ Богомъ, объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ глубокія по содержанию размышленія, заключающіяся въ оставшихся послѣ нея запискахъ. Вслѣдствіе глубоко-христіанскаго убѣжденія, она вполне была предана Богу: во всѣхъ скорбныхъ случаяхъ жизни безъ ропота говорила: „да будетъ воля Господня“, а въ трудныхъ: „невозможная отъ человѣкъ, возможна суть отъ Бога“—это были ея любимыя слова. Принадлежа къ дворянскому роду, часто вращаясь съ людьми высшаго круга, она, несмотря на это, сохранила необыкновенную простоту своей жизни. Одѣтою ее видѣли не иначе какъ въ просто сшитомъ,

недорогомъ темномъ платьѣ съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ. Несмотря на слабость своихъ физическихъ силъ, она всегда употребляла постную пищу. Согласно ея желанію, она была похоронена въ монашенскомъ одѣяніи съ четками въ рукахъ; эти четки были для нея дороги, потому что ими ее благословилъ Митрополитъ Филаретъ, предъ которымъ она благоговѣла.

Послѣ ея смерти сооруженный ею храмъ осиротѣлъ, и Богъ вѣсть, что съ нимъ случилось-бы, если бы на него не обратилъ своего попечительнаго вниманія Преосвященный Никандръ: указомъ онъ опредѣлилъ младшей сестрѣ Александрѣ Павл. быть попечительницей сего храма. Въ силу этого указа она оставила Тульскій монастырь и въ 1865 году переѣхала въ Борщевое, гдѣ она рѣшилась привести въ исполненіе завѣтную мысль своей покойной сестры храмостроительницы основать общину, — тѣмъ болѣе, что къ этому времени вокругъ Александры Павл., искавшей иноческаго житія, понемногу стали собираться и первыя любительницы уединенія и высшаго христіанскаго благочестія. Наслѣдники имѣнія братъ и сестра охотно уступили свои земельныя части для предполагаемой общины. Подано было прошеніе объ открытіи при имѣніи Хрипковыхъ общины, но это прошеніе было отклонено, потому что въ родовыхъ имѣніяхъ законъ не позволялъ открывать общинъ. Тогда вся земля была продана невѣсткѣ Хрипковыхъ Аннѣ Николаевнѣ Хрипковой (нынѣ настоятельница Аполлинаріи), которая пожертвовала всю землю съ находящимися на ней постройками Серпуховскому Владычному монастырю. По распоряженію игуменіи Серпуховскаго Владычнаго монастыря, проживавшія въ то время при Борщевомъ сестры, равно какъ и сама жертвовательница Анна Николаевна Хрипкова, чувствовавшая, какъ и ея родственницы, влеченіе къ иноческой жизни, были одѣты въ монашескую одежду. Управление надъ ними было поручено Александрѣ Павл. Хрипковой, принявшей въ 1870 году монашество въ Серпуховскомъ монастырѣ подъ именемъ Арсеніи. Послѣ смерти Арсеніи, послѣдовавшей въ 1876 году и горько оплаканной проживавшими около нея сестрами, управление поручено было невѣсткѣ ея Аннѣ Николаевнѣ Хрипковой, принявшей въ 1879 году рясофоръ, а въ 1881 году мантію подъ именемъ Аполлинаріи въ томъ же Серпуховскомъ монастырѣ. Въ зависимости отъ Серпуховскаго монастыря община пробыла около 20 лѣтъ. Это время было, такъ сказать, време-

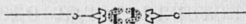
немъ приготовленія общины къ самостоятельному существованію. Ви́шній видъ общины въ этотъ періодъ зависимости былъ не богатъ. Всѣ проживающія сестры помѣщались въ двухъ домахъ, изъ которыхъ въ одномъ была и трапезная. Невдалекѣ отъ нихъ находились скотный дворъ, риги и другія хозяйственныя постройки, которыя своимъ убогимъ видомъ производили тяжелое впечатлѣніе. Средствами къ содержанію служили только земля, обрабатываемая своими руками, да рѣдкіе случаи чтенія псалтири по покойникамъ въ окрестныхъ деревняхъ. Въ 1888 году зарождающуюся общину постигло еще и несчастье. Въ ночь подъ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы сгорѣлъ весь хлѣбъ. Но благодать Божія очевидно была надъ обителемъ. Этотъ годъ послѣ пожара, обыкновенно тяжелый для пострадавшихъ, былъ для общины годомъ изобилія. Благодаря усердію и расположенію къ общинѣ мѣстныхъ жителей, какъ отъ помѣщиковъ, такъ и отъ крестьянъ шла помощь и хлѣбомъ и соломою, такъ что хватило не только на годовое содержаніе, но даже и на обѣщаніе. И можетъ быть, долгое время пришлось бы этой обители быть въ зависимости отъ Серпуховскаго монастыря, если бы у жителей города Венева и окрестныхъ деревень не явилось желаніе чѣмъ нибудь ознаменовать памятное всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ событіе чудеснаго спасенія Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей опасности 17 Октября 1888 года. Черезъ своего уполномоченнаго, потомственнаго дворянина Н. Кортукова, они рѣшили хлопотать предъ духовнымъ начальствомъ объ открытіи при Борщевомъ самостоятельной Общины въ память чудеснаго спасенія Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи. Покойный Высокопреосвященный Никандръ, Архіепископъ Тульскій, вполне раздѣляя вѣрноподданнческія чувства просителей съ одной стороны, а съ другой признавая болѣе цѣлесообразности, если община будетъ существовать самостоятельно, принялъ живое участіе въ устройствѣ этого дѣла. Серпуховской Владычній монастырь и Московское епархіальное начальство не встрѣтили съ своей стороны препятствій къ отчужденію отъ сего монастыря для новооткрываемой общины принадлежащей ему въ сельцѣ Борщевомъ земли въ количествѣ 140 десятинъ съ находящимися на ней строеніями, на каковое отчужденіе и укрѣпленіе земли за будущей общиной воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе, а 11 Ноября 1892 года по опредѣленію Св. Синода она объявлена самостоятельной. По отчисленіи Борщевской об-

щины отъ Серпуховскаго монастыря началось ея благоустройство подъ управленіемъ начальницы монахини Аполлиаріи. На пожертвованныя деньги были построены св. Ворота, гостинница для прїѣзжающихъ богомольцевъ, два новыхъ деревянныхъ корпуса для сестеръ, домъ для священника, скотный дворъ, возстановлены изъ развалинъ необходимыя хозяйственныя постройки. Былъ увеличенъ фрутовый садъ, который приноситъ теперь дохода около 400 руб., усилено и улучшено пчеловодство, увеличено число рабочаго и рогатаго скота. Увеличеніе числа сестеръ и богомольцевъ, привлекаемыхъ любовію къ общинѣ, побудило начальницу общины, монахиню Аполлиарію приступить къ сооруженію новаго храма. Въ 1896 году 2 Сентября совершено было торжество закладки новаго величественнаго двухъ-этажнаго шести-престольнаго храма, съ придѣломъ, между прочимъ, въ честь святителя Θεодосія. Для этого придѣла уже имѣется пожертвованная однимъ благотворителемъ икона, съ частицею одежды съ нетлѣнныхъ мощей новоявленнаго чудотворца, принесенной въ даръ обители Преосвященнымъ Питиримомъ, Епископомъ Тульскимъ. Къ сожалѣнію, опредѣленныхъ средствъ къ построенію этого храма нѣтъ. Единственный источникъ—это сборъ съ доброхотныхъ дателей, молитва за которыхъ возносится теперь, будетъ, конечно, возноситься и въ имѣющемъ быть сооруженномъ храмѣ до конца его существованія. Вокругъ монастыря строится каменная ограда. Одновременно съ внѣшнимъ благоустройствомъ устраивалась и внутренняя жизнь. Внутреннюю жизнь обитательницъ Борщевской общины составляетъ трудъ и молитва. Сами онѣ воздѣлываютъ свои огороды и садъ, сами убираютъ покосы и хлѣбъ, сами трудятся въ поваренной, хлѣбной и рукодѣльной. Трудясь на общую пользу, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, содержаніе получаютъ отъ общины. Богослуженіе совершается съ полнымъ соблюденіемъ устава; чтеніе въ церкви громкое и неспѣшное, пѣніе стройное, въ воскресные дни предъ иконой Иверской Божіей Матери всегда читается акаѳистъ. Послѣ утрени, вечерни или всеобщаго бдѣнія среди храма предъ иконою Иверской Божіей Матери сестры умиленнымъ напѣвомъ поютъ тропарь: „Подъ Твою милость“..... Въ теперешнемъ небольшомъ, но благоустроенномъ храмѣ находятся чтимыя мѣстными жителями иконы: Успенія Божіей Матери, привезенная храмо-строительницей Хрипковой изъ Гиѳсиманіи, и Иверской Бо-

жіей Матери, принесенная въ даръ обители дѣвицею Носовой. Притекавшіе съ молитвою къ Богоматери предъ этими иконами вѣрующіе православные люди получали и получаютъ исцѣленіе душевныхъ и тѣлесныхъ своихъ недуговъ. Къ сожалѣнію, всѣ бывшія чудеса и исцѣленія не провѣрялись и не записывались до сихъ поръ, за исключеніемъ одного, бывшаго въ 1853 году отъ иконы Успенія Божіей Матери, о чемъ свидѣтельствуеетъ сохранившійся актъ съ подписью исцѣлѣвшей и свидѣтелей. Содержаніе этого акта таково: „Въ 1853 году въ Августѣ мѣсяцѣ была привезена изъ Стараго Іерусалима икона Успенія Пресвятыя Богородицы дѣвицею изъ дворянъ Елизаветою Павловною Хрипковой въ имѣніе ея состоящее Тульской губерніи Веневскаго уѣзда, въ селцѣ Борщевой, и въ томъ же году Августа 20 дня въ Тульской губерніи Богородицкаго уѣзда села Карникъ вдова капитанша Александра Θεодоровна Васильева по желанію своему просила вышеозначенную г-жу Хрипкову, чтобы она пожаловала съ иконою въ домъ Васильевой. Когда принесли оную икону въ домъ ея, то Васильева дала знать о семъ сосѣдкѣ своей, полковницѣ Маріи Никитишнѣ Милоховой, которая тогда одержима была припадочною болѣзнью болѣе десяти лѣтъ, и около шести лѣтъ почти была недвижима руками и ногами, почему Васильева и совѣтовала ей, Милоховой, принять оную икону въ свой домъ, но она сказала, что въ тотъ день подымала иконы изъ церкви, а къ этой иконѣ имѣетъ большое отвращеніе. Когда она пріѣхала домой, то съ ней сдѣлался припадокъ сильнѣйшій прежнихъ, тогда она стала просить привести къ ней скорѣе Іерусалимскую икону Успенія Пресвятыя Богородицы, вслѣдствіе сей просьбы икона была привезена немедленно, и когда стали служить предъ нею молебень, то Милохова почувствовала облегченіе, когда же стали читать акаѣистъ, то она совершенно стала здорова и весь акаѣистъ стояла на колѣняхъ и молилась, тогда какъ прежде не могла стоять и съ тѣхъ поръ благодаря Царицу Небесную за Ея неизреченное милосердіе до сихъ поръ болѣе 8-ми лѣтъ чувствуетъ себя совершенно здоровою; въ чемъ удостовѣряють подписомъ своимъ: полковница Марія Милохова, свидѣтельница капитанша Александра Θεодоровна Васильева и священникъ села Карникъ Константинъ Петровъ Покровскій“.—Служа такимъ образомъ къ возбужденію и подкрѣпленію среди народа православной вѣры и благочестія, община служитъ, по мѣрѣ своей возможности, и дѣлу народнаго просвѣщенія. При общинѣ есть школа грамоты, попечи-

тельницей которой состоит настоятельница монахиня Аполлинарія, гдѣ ежегодно обучается около 30 крестьянскихъ дѣвочекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ продолженіе учебнаго времени живутъ при общинѣ и пользуются ея содержаніемъ. Религіозно-нравственная польза, приносимая общиною для окрестныхъ жителей, признана и начальствомъ: указомъ Св. Синода отъ 25 Сентября 1898 года она обращена въ общезительный женскій монастырь съ наименованіемъ Успенско-Иверскимъ.

Священникъ Успенско-Иверскаго женскаго монастыря
Александръ Покровскій.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФФИЦІАЛЬНОЙ ЧАСТИ: Пятонкижіе Моисеево.— Изъ исторіи тайнаго сектантства въ Тульской губерніи.—Будь всѣмъ слугой: такова заповѣдь Спасителя.—Успенско-Иверскій женскій монастырь, бывшая Борщевская Крестовоздвиженская Община.

Редакторъ протоіерей А. Ивановъ.

Тула. 16 Мая, 1899 г.—Печатано съ разрѣшенія и благословенія Его Преосвященства Питирима, Епископа Тульского и Вѣлевскаго.

Типографія И. Д. Фортунатова, въ Тулѣ.